ГЖС 555
И 138

1 экз.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право своеі»

№ 70.

ИВАНОВЪ РАЗУМНИКЪ.

ГЭЖ555
И 138

ИСПЫТАНІЕ ОГНЕМЪ.

Цѣна 75 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

1 экз.

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!»

№ 70.

ИВАНОВЪ РАЗУМНИКЪ.

ГЖС 555
И 138

ИСПЫТАНІЕ ОГНЕМЪ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

ГЖ555 Р
И 138
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2008
Библиотека Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б)
98490 У
П

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Петроградская Издательская Комиссія.

Галерная, 27.

---

1. Наша программа (популярн. излож.) . . 15 к.
4. *Гардинсъ.* Почему я соціалистъ . . . 15 „
5. *Лаврусевичъ.* Чего хотятъ друз. нар. 25 „
9. *Дикштейнъ.* Кто чѣмъ живетъ . . . 15 „
11. *П. Вихляевъ.* Какъ уравнять польз. землей . . . . 20 „
12. *А. Шрейдеръ.* Царь-Голодъ . . . . . 6 „
15. *Глыба.* Разговоръ солдатъ объ отреч. царя . . . . 6 „
16. *В. Цвѣткова.* Какъ лучше распредѣл. землю . . . . 6 „
17. *Н. Брюлова-Шаскольская.* Народн. Россіи и ихъ треб. . . . . 6 „
18. *В. Черновъ.* Крестьянинъ и рабочій, какъ эконом. категоріи . . . . . 50 „
20. *Б. Коварскій.* Е. К. Брешковская съ автобіогр. бабушки русской револ. . . 50 „
21. *Ст. Слетовъ.* Къ исторіи возникнов. Партіи С.-Р. . . . . 1 р. — „
23. *А. Шрейдеръ.* О налогахъ . . . . . . 10 „
24. *Б. Корень.* Сущность ученія Соц.-Рев. (поп. изл.) . . . . 20 „
27. *И. Бѣлочкинъ.* Земля и воля трудов. народу . . . . 15 „
30. *В. Цвѣткова.* Голосованіе при выбор. 6 „
31. *Діэзъ.* Сказка о царѣ-недоумкѣ . . . 30 „
32. *Глѣбъ Свировъ.* Миним. зараб. платы. 8 „
33. *Шэфле.* Сущность соціализма . . . 90 „
34. *Викторъ Черновъ.* Земля и право . 3 р. — „
35. *М. Вишнякъ.* Личность въ правѣ . . 70 „
37. *Д. Розенблюмъ.* Профес. союзы . 1 р. 25 „
38. *В. Лункевичъ.* Что такое учредительное собраніе . . . . 15 „
39. *В. Лункевичъ.* Каковы должны быть земельн. порядки на Руси . . . . . . 20 „
40. *В. Лункевичъ.* Вся власть всему нар. 20 „
41. *В. Лункевичъ.* Борцы за право и своб. 50 „
42. *В. Лункевичъ.* Право челов. и гражд. 25 „
43. *Б. Черненковъ.* Основн. зак. о землѣ. 20 „
44. *В. Цвѣткова.* Почему крестьяне не должны голос. за П. Н. С. . . . . . 12 к.
45. *Н. В. Брюллова-Шаскольская.* Нац. вопр. и П. С.-Р. . . . . 30 „
46. *В. Левинъ.* Фабр.-зав. комитеты . . . 12 „
47. *Б. Камковъ.* Истор.-филос. воззр. П. Л. Лаврова . . . .
48. *В. Черновъ.* Германская соціальдемократія на распутьи . . . . . . 1 р. 75 „
49. *Д. [illegible]ковъ.* Война и финансы . . . . 30 „
51. *Б. Свидерскій.* Трудъ и капиталъ . . 25 „
52. *М. Гоцъ.* Система правды . . . . . . 80 „
54. *Николаевъ.* Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ . . . . 50 „
55. *В. Трутовскій.* Что крест. дѣлать въ земствѣ . . . . 15 „
56. *В. Лункевичъ.* Какъ должно вестись наше народн. хоз. 35
57. *В. Черновъ.* Марксизмъ и славянство. 1 р. — „
58. *П. Вихляевъ.* Соц. з. и прогр. сел. хоз. 80 „
59. *М. Капица.* Охрана женск. и дѣтск. труда . . . . 8 „
60. *М. Вишнякъ.* Учр. собр. и пропорц. выб. 25 „
61. *М. Вишнякъ.* Законъ о выборахъ въ Учр. собраніе . . . . 20 „
62. *А. Фейтъ.* Кого выб. въ Учред. собр. 8 „
63. *В. Лункевичъ.* Наши непорядки . . . 30 „
65. *Святицкій.* Для чего созывается Учредительное собраніе . . . . 25 „
66. *Труппъ.* Республика безъ президента. 15 „
69. *С. А. Анскій.* Какъ нар. Россіи должны устроить свою жизнь . . . . 15 „
74. *Г. Новоторжскій.* Значеніе права на землю . . . . 25 „
75. *Ивановъ-Разумникъ.* За что воюютъ Вел. Держ. . . . . 25 „
77. *Е. Труппъ.* Всенародное голосованіе . 15 „
79. *Ст. Слетовъ.* Сто лѣтъ борьбы . . . 25 „
84. *И. Брильонъ.* Изъ восп. террориста . 40 „

Печатаются:

36. *Тунъ.* Ист. револ. движ. въ Россіи съ прим. Л. Э. Шишко . . . .
50. *И. Николаевъ.* Невидимыя подати . .
53. *В. Черновъ.* Основн. вопр. пролет. движ.
67. *В. Левинъ.* Что даетъ земля гор. раб.
68. *М. Капица.* Инспекція труда . . . . .
70. *Ивановъ-Разумникъ.* Испытаніе огнемъ . . . .
72. *С. Законъ.* Основ. раб. прогр. . . . . .
73. *В. Лункевичъ.* Чему учатъ и что дѣлаютъ соціалисты . . . .
76. *Казакъ.* Романовы и армія . . . . . .
80. *Н. Ивановъ.* Наши партіи и агр. вопр.
82. *В. Лункевичъ.* Чего добиваются лучшіе люди Р. . . . .
83. *Е. Колосовъ.* Чему учитъ насъ Н. К. Михайловскій . . . .
85. *С. Закъ.* Соціализмъ и агр. вопр. . .
88. *А. Гизетти.* Что такое народное образованіе . . . .
91. *М. Якобій.* Движ. силы сельскаго хозяйства . . . .
92. *И. Прилежаевъ.* Контроль надъ производствомъ . . . .
93. *Д. Розенблюмъ.* О безработицѣ . . .
94. *С. Закъ.* Промышл. капит. въ Россіи.

Книгопродавцамъ и обществен. организаціямъ обычная уступка. Заказы выполн. только по получ. задатка въ размѣрѣ одной трети ихъ стоимости.

Тип. П. П. Сойкина.

Испытаніе огнемъ [1]).

... Теперь взгляни же
И пойми, хотя на мигъ,
Кто въ Берлинѣ и Парижѣ
Торжество свое воздвигъ.

Ѳ. Сологубъ.

I.

„Міръ сошелъ съ ума!..“

Эту ходячую пошлость мѣщанской мудрости вы, вѣроятно, десятки, сотни разъ слышали и читали — съ тѣхъ поръ, какъ началась „міровая война“.

Почему „міръ“ сошелъ съ ума только теперь, когда началъ эту войну, а не тогда, когда исподволь, десятилѣтіями упорно готовился къ ней — я не знаю. Почему начать истреблять другъ друга штыками, „чемоданами“ и удушливыми газами значитъ сойти съ ума, а заготовлять ихъ впрокъ значитъ пребывать въ твердомъ умѣ и здравой памяти — это, каюсь, мнѣ непонятно. И почему истреблять ближняго своего огнемъ и мечомъ значитъ стать безумнымъ, а позволять этому ближнему мирно гибнуть отъ голода, болѣзней и отъ нашей сытости значитъ быть разумнымъ — боюсь, что этого я не пойму никогда. Одно изъ двухъ: либо „міръ“ и не думалъ теперь сходить съ ума, а твердо и разумно, по своему пониманію, идетъ къ давно намѣченнымъ цѣлямъ, либо уже давно онъ „пошелъ съ ума“ (какъ выражался нѣкій анекдотическій нѣмецъ) и лишь теперь окончательно „сошелъ“... Либо онъ былъ безуменъ всегда, либо онъ вполнѣ разуменъ теперь.

Будьте спокойны: ни съ чего міръ не сошелъ, ни въ какой новый путь онъ не пошелъ. Онъ только пожинаетъ плоды того посѣва, который самъ же онъ упорно и настойчиво производилъ въ теченіе десятилѣтій. Пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтала мѣщанская культура и теперь дала плодъ.

---

[1]) Статья написана въ концѣ 1914 г., дополнена и закончена въ 1915 г.

И если справедливо слово: „по плодамъ ихъ познаете ихъ“, то и по этому кровавому плоду легко познать всю сущность того мирнаго „міра“, о безуміи котораго заговорили теперь испуганные его слуги. Но вольно же было имъ быть слѣпыми!

Тотъ, кто хотѣлъ видѣть — зналъ уже давно, что въ мірѣ „торжество свое воздвигъ“ вѣчный духъ Мѣщанства, съ которымъ всегда боролись поколѣнія „лучшихъ людей“. Это еще Герценъ видѣлъ — и предвидѣлъ, что даже далекое „торжество соціализма“ не будетъ окончательной побѣдой надъ духовнымъ мѣщанствомъ человѣчества. Ядъ этотъ разлитъ въ его крови глубже всѣхъ соціальныхъ и политическихъ тканей: соціалисты 1914 года доказали это своимъ поведеніемъ urbi et orbi... Теперь даже и тотъ, кто не хотѣлъ видѣть и вѣрить, принужденъ силою вещей воочію узрѣть и увѣровать.

Уже первые дни войны показали, до какой степени глубоко проникнуты этимъ ядомъ люди разныхъ полюсовъ, отъ болотныхъ низинъ и до горныхъ вершинъ, отъ болотныхъ низинъ, въ которыхъ ползаетъ „желтая пресса“, и до горныхъ вершинъ, на коихъ парягъ ученѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе мужи. Произошло трогательное единеніе, братскій союзъ — неба вверху и болота внизу.

На этомъ братскомъ единеніи слѣдуетъ немного остановиться: оно лучше всего опровергаетъ злостную клевету о безуміи міра. Безуміе — это рознь, вражда, братоубійство, но какое-же безуміе — въ братскомъ единеніи? А единеніе это съ самаго начала было поистинѣ трогательнымъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Нововременскій профессоръ, г. Пиленко, плакался, что нѣмцы „оскверняютъ минами“ Сѣверное море, создавалъ циничнѣйшій проектъ всемірнаго военно-полевого суда и грозился, что „никто не прольетъ слезъ надъ развалинами Германіи“. Ему радостно вторилъ бывшій редакторъ журнала „Былое“, П. Щеголевъ, въ радикальной газетѣ „День“: „нѣмцы“ — заявлялъ онъ, — внутренне некультурны, и именно за это „всемірная катастрофа меча и огня ввергнетъ нѣмецкій народъ во мракъ запустѣнія и замирающей культуры“. И ничего, ему не было стыдно.

Докторъ Дубровинъ требуетъ „безпощадной расправы“ съ внутреннимъ врагомъ; жидъ и шпіонъ — синонимы, надо ихъ вѣшать сотнями. Членъ религіозно-философскаго общества, Д. Философовъ, доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія въ газетѣ „Рѣчь“, что онъ не возражаетъ противъ „самой безпощадной расправы“ со шпіонами. Спору нѣтъ, всяческіе

шпіоны — явленіе омерзительное, но не болѣе, чѣмъ одобреніе членомъ религіознаго христіанскаго общества „самой безпощадной расправы“ съ кѣмъ бы то ни было.

Безконечные легіоны версификаторовъ выливаютъ ушаты неблаговоннаго остроумія и такой же злобы на Германію. Германія—„подруга Сатаны“, „позоръ земли“, нѣмцы — „собаки“, „поношеніе людей“, „злое племя наглыхъ дикарей“. Такъ пишутъ въ болотныхъ низинахъ. Но вотъ авторъ книги „Горныя вершины“, большой нашъ поэтъ Бальмонтъ: „сатанинскія собаки испускаютъ рѣзкій вой“ — это онъ написалъ про германцевъ. Не отстаетъ отъ него Минскій, для котораго германцы — „бестіи“ и „сверхъ-дикари“. Не менѣе рѣшительны въ своихъ выраженіяхъ Ѳедоръ Сологубъ и другіе наши извѣстные поэты, за очень и очень немногими исключеніями. Единеніе духа и мысли — полное братское.

Меньшиковъ изъ „Новаго Времени“, основываясь на научныхъ изслѣдованіяхъ Тэйлора, сообщаетъ читателямъ, что „германская раса значительно низшаго типа, чѣмъ кельто-славянская“ и что типичный тевтонскій черепъ „звѣроподобенъ и приближается къ черепу гориллы“. Гориллѣ же мѣсто, конечно, въ клѣткѣ. Неудивительно поэтому, что членъ Государственнаго Совѣта и гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, графъ А. А. Бобринскій, высказываетъ публично — на чрезвычайномъ собраніи ci-devant санктъ-петербургскаго дворянства — свои пламенныя надежды, что „на царственнаго изверга, затѣявшаго всю эту кровавую кутерьму, будетъ надѣта смирительная рубашка и самъ онъ посаженъ будетъ въ желѣзную клѣтку, напоказъ и въ назиданіе міру“... („День“, 2-го августа 1914 г.). Ci-devant санктъ-петербургскіе дворяне „бурей апплодисментовъ подтвердили, что вполнѣ раздѣляютъ чувства оратора“. Но вотъ радикальный беллитристъ и бублицистъ, г. Танъ-Богоразъ, у котораго, по собственному признанію, отъ восторга губы трубочкой, заявляетъ, что „писатели — это сверхчувственные инструменты, играющіе человѣчеству мелодію грядущаго“, а потому онъ идетъ дальше Меньшикова и гр. Бобринскаго. Для него нѣмецъ — хуже гориллы и Вильгельмъ хуже Атиллы. „Съ кѣмъ состязается прусскій Вильгельмъ? Съ Геростратомъ, съ Бонапартомъ, съ Александромъ Македонскимъ?—Нѣтъ, онъ мѣтитъ выше, онъ состязается — съ дьяволомъ... („Бирж. Вѣд.“, 2-го Декабря 1914 г.). И ничего, ему тоже, повидимому, не особенно стыдно, этому сверхчувственному инструменту, играющему мелодію грядущаго...

Тотъ же Меньшиковъ въ томъ-же „Новомъ Времени“ изо дня въ день писалъ свои необъятно-болотистыя статьи подъ

общимъ заглавіемъ: „Должны побѣдить!“ Въ толстомъ марксистскомъ журналѣ заглавіе статьи: „Да будетъ побѣда!“, воззваніе объединенныхъ русскихъ, соціалистовъ, марксистовъ и народниковъ, тоже „энергично требуетъ войны до побѣды“ („Рѣчь“, 7 окт. 1915 г.). Подъ воззваніемъ этимъ находимъ имена Плеханова, Дейча... Это-ли не единеніе! Пусть поводы и цѣли — разные, но могутъ же соединяться въ общемъ военномъ кличѣ Плехановъ и Меньшиковъ!

Газета „Рѣчь“, закрытая въ первые же дни войны, приноситъ не медля ни мало вторую патріотическую присягу, обѣщая вѣрою и правдою, не за страхъ, а за совѣсть, служить дѣлу единенія для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ. Трудовикъ Керенскій на такъ называемомъ „историческомъ“ засѣданіи Думы 26 — VII — 1914 г. призываетъ русскую демократію „вмѣстѣ со всѣми другими силами дать рѣшительный отпоръ нападающему врагу“... Какъ было не радоваться такому единомыслію россійскихъ граждамъ — отъ черной сотни, черезъ либераловъ до соціалистовъ!

Подлинно: такого единенія — еще не бывало! И такое объединеніе — удѣлъ не одного лишь русскаго общества. Въ Германіи происходило совершенно то же самое: соціалъ-демократы голосуютъ за одно съ аграріями, нѣмецкіе ученые и профессора требуютъ войны до полной и окончательной побѣды, до уничтоженія дикой Россіи и вырождающейся Франціи. Во Франціи анти-милитаристъ Эрве пламенно проповѣдуетъ крестовый походъ на дикарей современной культуры германцевъ, а объединенные соціалисты братаются съ клерикалами, Жюль Гедъ вступаетъ въ министерство національной обороны. Въ Бельгіи соціалистъ Вандервельде занимается вербовкой волонтеровъ для арміи. Въ Англіи, въ Италіи, въ Австріи — всюду одно и то же, а если и есть исключенія, то, вѣдь, „въ семьѣ не безъ урода“... Всюду братское сліяніе болотныхъ низинъ съ горными вершинами. Вотъ когда исполнилось слово древней герметической мудрости: „небо вверху — небо внизу... Все, что вверху, то и внизу“...

Такъ слились „небо“ и „болото“, такъ слились — не разберешь, гдѣ начинается одно и гдѣ кончается другое. Братское единеніе, горѣніе, порывъ, общее дѣло... И намъ говорятъ, что міръ сошелъ съ ума! — Наоборотъ, міръ прозрѣлъ, выздоровѣлъ отъ нездоровой партійной розни, нашелъ общее дѣло, общую почву, общее слово! Міръ сошелъ съ ума! Да полноте — онъ здоровъ-здоровехонекъ, и не только не сошелъ съ ума, но еще очень и очень себѣ на умѣ...

II.

Міръ твердо и „разумно“ идетъ къ достиженію давно намѣченныхъ цѣлей; только цѣли эти — сталкивающіяся, почему и нельзя достичь ихъ безъ „кровавой кутерьмы“. Столкнулись пять изъ шести существующихъ de facto и in spe великихъ міровыхъ государствъ, столкнулись на пути осуществленія своихъ націоналистическихъ и торговыхъ идеаловъ. Чтобы понять это наглядно, надо бросить взглядъ на глобусъ и вспомнить, свести къ одному, — что писали и пишутъ „идеологи“ различныхъ міровыхъ государствъ о задачахъ и конечныхъ цѣляхъ своихъ странъ. Это небезъинтересная страничка изъ полу-фантастическаго историческаго романа XX вѣка.

„Міромъ правитъ купецъ“, — сказалъ Герценъ болѣе полувѣка тому назадъ. Купецъ создаетъ колоніи, соединяетъ ихъ въ одно цѣлое нитью желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ путей, стремится къ увеличенію и „округленію“ своихъ владѣній, рождаетъ новыя имперіи, разрушаетъ старыя. На путяхъ къ этому созиданію столкнулись міровыя государства— и рѣшаютъ войною свой споръ.

Конечныя цѣли англійскаго государства - купца — грандіозны: дѣло идетъ о созданіи громадной колоніальной имперіи, для которой Индійскій океанъ былъ бы внутреннимъ моремъ. Имперія эта должна быть связнымъ цѣлымъ, и желѣзный путь долженъ соединить три главныхъ центра имперіи — знаменитыя „три К“ англійскаго имперіализма: Капштадтъ — Каиръ — Калькутта. Этотъ желѣзный путь въ 20.000 верстъ долженъ навсегда закрѣпить за Англіей всю восточную половину Африки, отъ Капской земли до Египта, и далѣе всѣ земли отъ Палестины, Аравіи, южной Персіи до Индіи. Если прибавить, что съ юга-востока эту колоніальную имперію замыкаетъ Австралія, то передъ нами, дѣйствительно, гигантская колонія вокругъ Индійскаго океана, съ общей поверхностью до 30 милліоновъ квадратныхъ километровъ и съ населеніемъ до 350 милліоновъ человѣкъ. Медленно и твердо, въ теченіе десятилѣтій, сперва безсознательно, а потомъ и сознательно, идетъ Англія къ этой конечной цѣли своего имперіализма. Для осуществленія этой цѣли къ началу XX вѣка оставалось немногое: оставалось пробиться черезъ германскую Восточную Африку и добиться „протектората“ надъ Сиріей и Аравіей до устья Ефрата. Война 1914 года дала возможность Англіи приступить къ одновременному рѣшенію обѣихъ задачъ — германской и турецкой.

Французскій „республиканскій имперіализмъ“ не менѣе упорно работаетъ вотъ уже много десятилѣтій надъ созданіемъ подобной же колоніи-государства: это — государство восточно-атлантическое. Мечта французскаго имперіализма— „союзъ латинскихъ государствъ“, обращенныхъ въ единую Атлантиду, отъ Рейна на Адріатику и далѣе на Триполи‘ Конго, Анголу: эта новая Атлантида съ Италіей, Испаніей и Португаліей вмѣстѣ, имѣла бы до двухсотъ милліоновъ населенія на двадцати милліонахъ квадратныхъ километровъ. Но если бы даже „латинскій союзъ“ остался мечтою, все же восточно-атлантическая колонія уже теперь во власти французскаго имперіализма: уже теперь французскіе Алжиръ, Марокко, Тимбукту и Гвинея — по площади превышаютъ Европу и составляютъ одно связанное цѣлое, колоніальную Западную Африку. Отъ Гавра до Гвинеи — вотъ тѣ „двѣ Г“ (или, по французски „la ligne G-H.“, Guinée—Hâvre), которые строитъ французскій имперіализмъ, съ тѣхъ поръ какъ Франція отказалась отъ намѣренія соединить свои восточныя африканскія колоніи съ западной, отказались отъ линіи „D-E-F-G-H“ (Джибути-Египетъ Фашода-Гвинея-Гавръ) — линіи, пересѣкающей будущій англійскій путь Капштадта-Каиръ [1]). Послѣ крушенія извѣстной попытки полковника Маршана (1898 г.), послѣ улаженія извѣстнаго „Фашодскаго инцидента“, англійскій и французкій имперіализмы легко могли разграничить свои „сферы вліянія“ (то-есть „сферы захвата“) и соединиться противъ общаго врага.

Русскій имперіализмъ строитъ не менѣе широкіе планы, чѣмъ два его западные собрата. Отрѣзанный Англіей отъ Индійскаго океана, перебрасывая свои стремленія съ „ближняго“ Востока на „дальній“ и обратно, русскій имперіализмъ въ славянофильскихъ мечтахъ своихъ доходитъ до объединенія всѣхъ славянскихъ земель и пытается создать колоссальную имперію, не меньшую имперіи Индійскаго океана. Отъ Данцига до Одера, то-есть отъ „объединенной Польши“, онъ стремится „на Лабу, Мораву, на дальнюю Саву, на Тиссу, на Дриссу, на Драву, Молдаву, на шумный и синій Дунай“, то-есть захватываетъ Балканскій полуостровъ, захватываетъ всю Малую Азію и удовлетворяется достигнутыми границами въ Азіи до береговъ Великаго океана, уже связавъ „два В“, крайнія точки своего распространенія: Варшаву и Владивостокъ. Русскій имперіализмъ пробовалъ было наложить руку на Манджурію и Корею, но обжогся на Японіи, въ лицѣ которой на историческую сцену выходитъ чет-

[1]) „ABC de la politique coloniale—la ligne D-E-F-G-H“ (1898).

вертое міровое государство, на нашихъ глазахъ зарождающееся. Въ несомнѣнномъ соединеніи съ возрожденнымъ Китаемъ, монгольскій имперіализмъ въ далекомъ или близкомъ будущемъ создастъ объединенное государство, не уступающее по размѣрамъ Россіи, а числомъ населенія значительно превосходящее. Индо-Китай, голландскія колоніи — обречены рано или поздно на поглощеніе монгольскимъ имперіализмомъ, а въ неизбѣжной борьбѣ за Филиппины и за Великій Океанъ имперіализмъ этотъ, несомнѣнно, столкнется съ пятой міровой силой — Америкой.

Такъ раздѣляется почти поровну между пятью міровыми государствами весь „міръ“ — съ его полутораста милліонами квадратныхъ километровъ земли и полутора милліардомъ населенія... Послѣ устроенія въ XVII и XVIII вѣкѣ своихъ между-европейскихъ дѣлъ, послѣ Вестфальскаго мира, послѣ войны за испанское наслѣдство — европейскія государства начали ощупью попытки созданія государствъ міровыхъ. Ясно и осознанно шелъ къ этой цѣли Наполеонъ, въ своей борьбѣ съ Англіей; съ него начинается новая фаза міроваго имперіализма. Въ это время еще спали монголы, ширилась Россія, рождалась доктрина Монроэ, и начинали сталкиваться въ политическомъ морѣ тѣ волны, которыя должны будутъ въ концѣ-концовъ создать якобы устойчивое равновѣсіе силъ пяти міровыхъ государствъ...

Все это прекрасно, но—гдѣ въ этомъ спискѣ самая могущественная промышленная страна, Германія? Гдѣ же дѣйствительно, мѣсто германца „подъ солнцемъ“,—какъ любятъ выражаться германцы? И что же судилъ имъ въ мірѣ unser lieber alter Gott, какъ выражаются они со слегка снисходительной фамильярностью, будто похлопывая по плечу... Неужели же могла произойти невѣроятнѣйшая ошибка, неужели же unser lieber alter Gott не уготовалъ „мѣста подъ солнцемъ“ германскому государству, какъ государству міровому?

Германскій имперіализмъ пришелъ zu spät: въ этомъ, какъ извѣстно, его трагедія и въ этомъ причина переживаемой нынѣ міровой войны. Германскій купецъ пришелъ слишкомъ поздно, задержанный длительнымъ процессомъ внутренняго устроенія страны. За послѣднее полустолѣтіе онъ завоевалъ дешевыми и плохими товарами почти весь міръ; остроумцы говорятъ, что въ сильные телескопы даже на новорожденномъ мѣсяцѣ можно разобрать клеймо „made in Germany“... (Луну, какъ извѣстно со времени Гоголя, дѣлаютъ въ Гамбургѣ, „и прескверно дѣлаютъ“). Германецъ проникъ всюду, но всюду только враждебнымъ клиномъ вошелъ онъ въ чужія „сферы вліянія“. Вклинился въ самомъ

концѣ XIX вѣка въ Западную и Восточную Африку—и тѣмъ самымъ сталъ поперекъ пути созданія французской новой Атлантиды и англійской имперіи Индійскаго океана. Попытался вклиниться на Дальнемъ Востокѣ—и встрѣтилъ непримиримаго врага въ растущемъ монгольскомъ имперіализмѣ. Попробовалъ выйти къ Персидскому заливу черезъ Австрію, Балканы и Малую Азію—и попалъ въ тиски между встрѣчнымъ движеніемъ другъ къ другу Россіи и Англіи. Во всемъ этомъ—завязка міровой войны 1914 г. Знаменитымъ англійскимъ „тремъ К", германскій имперіализмъ рѣшилъ противопоставить не менѣе знаменитыя „три Б", связывая желѣзнымъ путемъ Берлинъ—Бизантіумъ—Багдадъ или Берлинъ—Багдадъ—Басру. Этотъ путь, перерѣзывающій англійскую нить между Каиромъ и Калькуттой и запирающій на Босфорѣ дальнѣйшее, такъ называемое, „историческое движеніе" Россіи—достаточно объясняетъ ближайшія причины міровой войны нашихъ дней.

Кто окончательно побѣдитъ—„три К" или „три Б"? Отъ этого зависитъ судьба германскаго имперіализма. Если онъ былъ бы наголову разбитъ въ своей борьбѣ со всѣми міровыми государствами, то въ XX вѣкѣ роль германскаго государства свелась бы къ мѣстному значенію: отрѣзанное славянами и латинцами отъ Средиземнаго моря, лишенное англичанами своихъ африканскихъ колоній, оно должно было бы ограничиться союзомъ прибалтійскихъ странъ и было бы примѣромъ великой націи, не имѣвшей силъ создать міровое государство. Естественно, что подобный исходъ кажется германцамъ настолько же невѣроятнымъ, насколько противникамъ ихъ представляется невѣроятнымъ крушеніе ихъ имперіалистическихъ плановъ и ожиданій. Ибо, если бы полная побѣда оказалась на сторонѣ германскаго имперіализма, то онъ создалъ бы новое міровое государство, соединивъ въ одно связное цѣлое Германію съ Бельгіей и Голландіей и всѣми ихъ колоніями, скандинавскія государства, Австро-Венгрію, Балканы, Турцію, Персію, Аравію, Египетъ... Въ общей сложности эта колоніальная имперія имѣла бы тоже около 30 милліоновъ квадратныхъ километровъ поверхности и свыше трехсотъ милліоновъ населенія.

Есть, стало быть, за что вести міровую войну! Ею рѣшается вопросъ—быть или не быть Германіи государствомъ міровымъ, быть или не быть имперіи Индійскаго океана, быть или не быть новой Атлантидѣ, быть или не быть на Средиземномъ морѣ Россіи. Неудивительно, что на Германію ополчились всѣ: осуществленіе ея плановъ—полное крушеніе плановъ всѣхъ остальныхъ четырехъ изъ пяти міровыхъ

державъ. И не въ безуміи, а въ твердомъ умѣ и здравой памяти оба враждующихъ стана, стремясь „подсознательно" къ міровой цѣли, засыпаютъ другъ друга „чемоданами", взрываютъ минами, душатъ газами: міромъ правитъ купецъ, и онъ долженъ создать міровыя колоніальныя имперіи. Происходитъ „столкновеніе интересовъ" — и начинается кровавая кутерьма.

III.

Вотъ откровенный смыслъ того, что происходитъ на вашихъ глазахъ. Менѣе, чѣмъ кто бы то ни было, склоненъ я мѣрить міровыя явленія кургузымъ марксистскихъ аршинчикомъ; болѣе, чѣмъ кто бы то ни было, готовъ признать я сложное зерно, религіозное, этическое, соціальное, которое таится за грубой политической и экономической скорлупой и дастъ въ будущемъ плоды, совершенно неожиданные для провозвѣстниковъ имперіализма. Но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть въ міровой войнѣ нашихъ дней ту неприкрашенную, слишкомъ явную сторону ея, которую со всѣхъ сторонъ старательно прикрываютъ разными знаменами—либеральными, славянофильскими, соціалистическими. Какъ это дѣлаютъ—объ этомъ рѣчь впереди; почему имѣютъ возможность дѣлать это—вотъ на что интереснѣе отвѣтить сначала.

Дѣйствительно, что заставило демократію въ 1914 году пойти по дорогѣ созиданія міровыхъ колоніальныхъ имперій? Какую силу вызвалъ правящій міромъ купецъ, чтобы направлять это движеніе, чтобы заставлять народы служить ему? Сознаніе экономической выгоды?—да оно гроша мѣднаго не стоитъ при сравненіи съ сознаніемъ вѣрной гибели въ борьбѣ за эту выгоду. Нѣтъ, тутъ дѣйствуетъ иная сила, неизмѣримо болѣе могущественная, которая еще не скоро, вѣроятно, уступитъ свое мѣсто зарождающейся противоположной силѣ. Сила эта, какъ извѣстно—*націонализмъ*, національное чувство; могущество его такъ велико доселѣ, что объ него вдребезги разбился въ первыя же минуты міровой катастрофы 1914 года соціалистическій „интернаціоналъ", когда-то обѣщавшій всунуть палки въ колесо войны... Но палки оказались соломинками передъ внезапно вспыхнувшими чувствами „національнаго подъема" во всѣхъ странахъ, задѣтыхъ этимъ колесомъ, а чувства эти настолько попрежнему сильны, что „ни лишенія, ни мученія, ни самая смерть" не преодолѣваютъ ихъ.

Здѣсь апологеты войны торжествуютъ свою побѣду: разъ есть „нѣчто", могущее изъ европейскаго мѣщанина сдѣлать

существо, побѣждающее смерть, сдѣлать трагическаго героя изъ осла (по слову Нитцше), то стало быть „нѣчто" это,—война,—есть великое положительное явленіе исторіи! При этомъ аргументѣ мнѣ всегда вспоминается, что на свѣтѣ есть много десятковъ милліоновъ потребителей гашиша, и что самые бездарные люди, употребляя гашишъ, становятся временно интересными людьми, одаренными блестящей фантазіей. Но вскорѣ послѣ пріема наступаетъ вялость, угнетенность, сонъ. Что будетъ послѣ гашиша націонализма? Пророкомъ быть не трудно: von der Humanität über Nationalität zur Bestialität—это знали до войны сами нѣмцы, болѣе другихъ опьяненные теперь гашишемъ націонализма.

Но дѣло пока не въ этомъ. Къ чему бы ни велъ въ будущемъ націонализмъ—онъ теперь съ небывалой силой вызванъ среди демократіи къ жизни, какъ главный духовный двигатель первой міровой войны. И при этомъ—доводы національные приводятъ міровогo купца какъ разъ туда, куда этого требуютъ его цѣли колоніальныя; то-есть, другими словами, міровой купецъ въ свои колоніальныя задачи остроумно подставляетъ „національныя" величины. Что здѣсь является основной функціей и что производной—это всегда тщательно затушевано убѣдительными разсужденіями и патетическими доводами объ „исторической задачѣ" міровогo государства, объ „органическомъ" ростѣ его, о національныхъ цѣляхъ. Такъ, „національная и историческая задача Россіи"—объединеніе славянства, овладѣніе ключами въ Черному морю, колонизація страны отъ Каспія до Гималаевъ, твердая граница съ Китаемъ. Когда все это будетъ выполнено—мы и придемъ географически именно къ той міровой колоніальной имперіи, о которой рѣчь шла выше...

Поучительно слѣдить, съ какимъ усердіемъ либеральные политики и публицисты сознательно и безсознательно мостятъ пути для шествія государства-купца. Когда это дѣлаютъ откровенные купеческіе идеологи—это мало интересно. Когда, напримѣръ, проф. Мигулинъ безъ обиняковъ заявляетъ, что владѣніе Босфоромъ и Дарданеллами не рѣшитъ „восточнаго вопроса", что россійской государственности нужно еще и Эгейское море,—то тутъ удивляться не приходится. Развѣ только тому, почему профессоръ конфузится и останавливается, не доѣзжая до Суэцкаго канала?—Интереснѣе выслушать либеральнаго публициста, напримѣръ, г. Дживелегова, который въ заботахъ о несомнѣнно угнетенной національности, армянахъ, проектируетъ созданіе „единой Арменіи", отъ Кавказскаго хребта по всему южному берегу Чернаго моря и до Киликіи включительно... Такимъ образомъ, онъ

подводитъ націоналистическій фундаментъ подъ колоніальное распространеніе Россіи вплоть до Палестины; а что при объединеніи армянскаго народа раздробится единство народа турецкаго и совершится, такимъ образомъ, другая національная несправедливость—это либеральный публицистъ проглатываетъ, не поперхнувшись.

И вотъ, суммируя всѣ національные идеалы, отъ освобожденной Польши до объединенной Арменіи, мы и получаемъ какъ разъ то колоссальное міровое государство, „Россію будущаго“, о которомъ рѣчь была выше. Начинается эта рѣчь съ либеральнаго принципа: освобожденіе, объединеніе и самоопредѣленіе національностей, а кончается созданіемъ колоніальной имперіи, въ которую насильственно включается рядъ національностей, покоренныхъ и раздѣленныхъ. Будутъ объединены армяне, будутъ раздѣлены турки. Будутъ возсоединены съ Германіей прибалтійскіе нѣмцы, но плохо тогда придется латышамъ и эстамъ! Италія соединитъ Трентино, Тріестъ и Далмацію, хотя земли эти населяетъ славянское большинство. Франція мечтаетъ не только объ Эльзасѣ и Лотарингіи, но и о границѣ по Рейну: ничего, что въ прирейнскихъ провинціяхъ населеніе коренное нѣмецкое! Германія мечтаетъ о границѣ по линіи Калэ-Верденъ: что за бѣда, что живутъ тамъ коренные французы!—Это не мѣшаетъ воюющимъ странамъ, каждой въ отдѣльности и всѣмъ въ совокупности, провозглашать, что войну они ведутъ только оборонительную, и больше всего на свѣтѣ уважаютъ самоопредѣленіе національностей...

Все это азбука; но нѣкоторые до сихъ поръ не хотятъ ее уразумѣть. И лучшимъ свидѣтельствомъ такого или искренняго „неразумія“ или неразумія себѣ на умѣ, является то объясненіе цѣлей настоящей войны, которое набило уже оскомину, и творцами котораго были преимущественно націоналъ-либералы всѣхъ мастей и національностей. Бія себя въ перси, они готовы были клятвенно завѣрять всѣхъ, что загорѣвшаяся въ 1914 году война—послѣдняя война, самая-самая послѣдняя, „война противъ войны“, противъ милитаризма; укажу для примѣра на статьи проф. Кузьмина-Караваева въ „Днѣ“ и „Вѣстникѣ Европы“,—онъ только одинъ изъ многихъ наивныхъ людей. Сколько соціалистовъ примкнуло къ этимъ либеральнымъ утѣшеніямъ! „Настоящая война пусть будетъ послѣдней войной, пусть послѣ нея наступитъ вѣчный міръ“—гласитъ призывающее къ войнѣ воззваніе центральнаго комитета французской соціалистической партіи. На свѣтѣ оказалось вдругъ, въ разгарѣ небывалаго взаимнаго истребленія, неимовѣрное количество милыхъ, наив-

ныхъ людей. Они убѣждали и завѣряли, что милитаризмъ и война отойдутъ въ вѣчность послѣ войны, когда заводы Круппа будутъ взорваны, мѣсто ихъ сравнено съ землей и посѣяны будутъ на немъ все лишь „незабудки, васильки, васильки, да незабудки"... Они, впрочемъ, благоразумно умалчивали о томъ, будутъ-ли срыты до основанія также и заводы Армстронга, Крезо или Тульскіе оружейные, и какъ тамъ будетъ обстоять дѣло на счетъ незабудокъ и анютиныхъ глазокъ? Они упорно, въ прозѣ и въ стихахъ, воспѣвали „послѣднюю войну", стараясь въ этомъ найти ея смыслъ, ея оправданіе.

Незачѣмъ наивничать или фарисействовать. Не „послѣдняя" это война, а наоборотъ, *первая міровая колоніальная война*, первая въ ряду міровыхъ войнъ, которыя сулитъ намъ XX вѣкъ. Міровыя войны еще только начинаются, прелюдіей къ нимъ была эпоха Наполеона, когда великіе соціальные результаты французской революціи умѣло „ампошировалъ" французскій мѣщанинъ, начавшій тотчасъ же четверть-вѣковую борьбу съ Англіей за міровое господство. Теперь такую же борьбу—и быть можетъ не менѣе длительную, быть можетъ распадающуюся на цѣлый рядъ войнъ—ведетъ съ той же Англіей и на ту-же ставку германскій купецъ. Если онъ будетъ даже окончательно побѣжденъ — тогда наступитъ пора столкновеній интересовъ остальныхъ пяти міровыхъ купцовъ. Не могутъ не столкнуться между собой Россія и Англія, ибо „историческое движеніе" первой пмѣтитъ дальше Эгейскаго моря и южнѣе Малой Азіи,—поговорите объ этомъ съ г.г. Мигулинымъ и Дживелеговымъ. А ужъ одно предстоящее „разграниченіе сферъ вліянія" въ Палестинѣ чего стоитъ! И какъ еще будутъ дѣлить шкуру этого медвѣдя... Не могутъ не столкнуться, далѣе, монгольскій купецъ съ американскимъ изъ за владѣнія надъ Великимъ океаномъ; борьба изъ-за Филиппинъ можетъ начаться, повидимому, и до возрожденія Китая. А когда возрожденіе это совершится—тогда рѣшена участь французскаго Индо-Китая, тогда приблизится часть столкновенія монголовъ съ Россіей, столкновенія, давно предвидѣннаго русскими мыслителями еще до Владиміра Соловьева. Міровыя войны—только начинаются и прекратятся онѣ не съ разрушеніемъ заводовъ Круппа и расширеніемъ заводовъ Армстронга, а только съ крушеніемъ того „націонализма", который черной волной прокатился по всей Европѣ въ 1914 г. Вы скажете, что онъ не исчезнетъ никогда; пусть такъ, но это значитъ, что никогда не исчезнутъ и внѣшнія войны, а потому перестаньте повторять ходячую пошлость о „послѣдней войнѣ": это либо

наивность, либо фарисейство. Ясно во всякомъ случаѣ одно: „національзмъ“—вотъ до сихъ поръ главный духовный, внутренній возбудитель внѣшней, международной войны, и объ этомъ „primo motore“ надо говорить прежде всего, обсуждая (хваля или осуждая) войну. Пусть въ основѣ лежатъ интересы колоніальные, экономическіе, но даже въ борьбѣ за нихъ народами до сихъ поръ двигаютъ мотивы національные и националистическіе. Внѣ оцѣнки экономизма мы никогда не поймемъ внѣшняго смысла войны; внѣ оцѣнки національзма мы никогда не поймемъ внутренняго ея смысла и значенія.

IV.

Три основныхъ потока льются на колесо національзма и приводятъ его въ движеніе, передаваемое съ возрастающей силой колесу войны. Три эти потока чувствъ и мыслей я бы назвалъ—„этическій“, „философскій“ и „соціальный“. Есть и другіе потоки, болѣе мелкіе, но всѣ они сливаются въ трехъ основныхъ. Весьма мало этичная сама по себѣ идея „реванша“ слилась, напримѣръ, во Франціи съ этической мотиваціей войны: „справедливость“ требуетъ-де возвращенія Эльзаса и Лотарингіи въ лоно французской національности, одновременно съ освобожденіемъ всего міра отъ германскаго милитаризма. Идея объединенія Россіей всѣхъ славянъ принимаетъ „мессіанскую“ окраску въ освѣщеніи нашего неославянофильства; нечего и говорить, насколько убѣждены въ мессіанствѣ своемъ „пангерманцы“, да и не они одни изъ воюющихъ странъ. А въ „мотиваціи соціальной“ соединены всѣ доводы въ пользу оправданія современной войны съ соціально-экономической точки зрѣнія. Въ общемъ же эти три потока, дѣйствительно, захватываютъ съ собою все, что національзмъ можетъ дать для мощнаго движенія колеса войны, для оправданія ея, для возвеличенія ея. И три эти потока имѣютъ каждый своихъ „идеологовъ“ не за страхъ, а за совѣсть. Въ нашей россійской современности самыми неутомимыми водолеями этическихъ мотивовъ являются многоликіе наши либералы; философско-религіозное возвеличеніе національзма и воспѣваніе войны взяли на себя наши мистики, неославянофилы, а соціально-экономическими доводами дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, соціалисты, какъ призывающіе побѣду, такъ и желающіе пораженія. Конечно, доводы и мотивы эти не составляютъ монополіи одной изъ этихъ трехъ группъ: и либералы пользуются мотивами экономическими, и мессіанцы взываютъ къ справедливости; но вѣдь и комическій актеръ можетъ пойти на трагическое

амплуа. Разберемъ же всѣ группы доводовъ; человѣку, не захваченному ни однимъ изъ трехъ потоковъ націонализма, это сдѣлать удобнѣе, чѣмъ тому, кто уносится этими потоками.

Объ этическихъ мотивахъ націонализма, о справедливости—болѣе всего безпокоятся либералы всѣхъ странъ и всѣхъ степеней, либералы, а также и все, что правѣе ихъ, вплоть до чернаго цвѣта: чѣмъ правѣе, тѣмъ больше о справедливости безпокоятся и о честности высокой говорять. Именно здѣсь произошло быстрѣе всего сліяніе горныхъ ключей и болотныхъ водъ, именно отсюда слушали воюющія страны первые вопли о «звѣрствахъ» противной стороны и о томъ, что война эта есть война за справедливость, война за освобожденіе отъ прусской (говорили въ Петербургѣ и Парижѣ), за освобожденіе отъ русской (говорили въ Берлинѣ и Вѣнѣ) реакціи.

Вотъ „этическая мотивація" войны, какъ войны противъ „звѣрствъ", „некультурности", какъ войны освободительной, войны за самоопредѣленіе національностей.

Мнѣ почему-то часто припоминается при этихъ доводахъ нѣкій гражданинъ, помѣстившій въ какой-то газетѣ, черезъ полгода послѣ начала войны, „письмо въ редакцію" со слѣдующимъ воззваніемъ этико-гастрономическаго характера:

„Граждане,—не кушайте икры!"

Дѣло въ томъ, что гражданинъ этотъ, человѣкъ богатый, зашелъ какъ-то въ гастрономическій магазинъ и увидалъ, что „граждане" бойко раскупаютъ икру—по случаю войны икра была дешевая... Онъ возмутился: какъ!—въ окопахъ холодно, Бельгія разорена, фунтъ икры есть эквивалентъ пуда сухарей и трехъ паръ теплыхъ чулокъ... Граждане, не кушайте икры! Вспомните о братьяхъ нашихъ, холодающихъ и голодающихъ!—И онъ не сталъ кушать икры: охотно этому вѣрю. Но вотъ маленькій вопросъ: а не кушалъ ли онъ икры до войны?—Праздный вопросъ,—конечно, кушалъ! Но отчего же не вспоминалъ онъ тогда о своихъ „братьяхъ?" Или тогда не было голодныхъ и раздѣтыхъ?

Не кажется ли вамъ, что „этическая мотивація" очень неожиданна въ устахъ всесвѣтнаго мѣщанина нашихъ дней? Онъ привыкъ къ своему спокойному существованію, онъ былъ доволенъ всѣмъ на свѣтѣ, а если и либеральничалъ, то мечты его не шли дальше „отвѣтственнаго министерства" въ Германіи или Россіи, дальше программы радикаловъ во Франціи, дальше лозунга „le clericalisme — voila l'ennemi!", дальше мечты о сокращеніи вооруженій. „Звѣрства" соціальнаго строя никогда его особенно не волновали, ибо мало задѣвали его. И вдругъ—война! Онъ читаетъ о разгромѣ го-

родовъ, о гибели многихъ тысячъ своихъ собратьевъ, объ ужасахъ, о звѣрствахъ войны. Онъ возмущенъ. Онъ вопитъ въ Берлинѣ о „звѣрствахъ русскихъ“, въ Москвѣ—о „звѣрствахъ прусскихъ“, онъ взываетъ къ справедливости, нагло попранной, онъ самъ готовъ идти въ бой за нее, онъ желаетъ навсегда сокрушить главу милитаризму (вражескому, не своему), а больше всего, если онъ не нѣмецъ, громитъ онъ германскую культуру, опустившуюся до звѣрствъ. Граждане, не ѣшьте этой икры! Онъ такъ шумитъ, такъ оглушаетъ, что мало кто догадывается спросить: а не кушалъ ли и ты, добродѣтельный либеральный мѣщанинъ, этой икры?—вопросъ безтактный, ибо онъ, несомнѣнно, „кушалъ“...

Всѣ они въ свое время „кушали“, и во внутренней, и во внѣшней политикѣ: стоитъ ли это доказывать? Вспомните хотя бы о тѣхъ пріемахъ, какими вводили „европейскую культуру“ въ колоніальныя страны всѣ европейскіе государства-купцы. О колонизаторскихъ подвигахъ германцевъ въ Того и Камерунѣ, о подвигахъ бельгійцевъ въ Конго—написаны томы достовѣрныхъ свидѣтельствъ; какими пріемами Англія поддерживаетъ свое господство въ Индостанѣ—это достаточно извѣстно. „Культурными“ европейскими государствами ежегодно и изъ года въ годъ совершается врядъ ли меньше колонизаторскихъ „звѣрствъ“, чѣмъ ихъ совершилось за всю міровую войну. А во внутреннихъ дѣлахъ—каждое государство имѣетъ свою Ирландію, а потому и принципъ „самоопредѣленія національностей“ звучитъ такъ мало убѣдительно въ устахъ людей, охотно „кушавшихъ икру“ до войны. А какъ они икрой этой питались въ области „соціальнаго распредѣленія“,—кому это неизвѣстно? Въ одной нѣмецкой хрестоматіи я видѣлъ когда-то трогательную картинку: крокодилъ пожираетъ теленка, а самъ горько плачетъ; кушаетъ по необходимости, а плачетъ крокодиловыми слезами изъ сочувствія...

Всѣ они въ свое время „кушали“ и по сей день продолжаютъ. Пусть теперь они говорятъ высокими словами объ этическихъ цѣляхъ войны, объ „освобожденіи“ (читай: „захватъ“), о „самоопредѣленіи“ (читай: „присоединеніе“),—это не мѣняетъ истиннаго положенія дѣла: каждый, кто хочетъ, можетъ услышать истинный смыслъ словъ. Прочтите замѣчательное воззваніе «интеллигентной Германіи—цивилизованному міру“, подписанное именами Вундта, Гауптмана, Оствальда, Геккеля, Виндельбанда, Гарнака, Листа, Брентано, Лампрехта и еще десятками не менѣе знаменитыхъ писателей, философовъ, ученыхъ: этотъ оправдательный документъ хуже всякаго обвинительнаго. „Мы нарушили нейтралитетъ

Дост. Иванов-Разумника. 98490 Кл. п. (6)

Бельгіи, но нарушили его не преступно“: не достаточно ли одной этой безсмертной фразы изъ воззванія, чтобы разъ навсегда потерять охоту разбирать всѣ аргументы этихъ ученыхъ людей о цѣляхъ войны, о ея оправданіи?

Когда въ отвѣтъ на это воззваніе, оправдывающее войну тѣмъ, что Германія ведетъ ее за спасеніе міровой культуры противъ союза дикарей, торгашей и выродженцевъ,—когда въ отвѣтъ на это философъ Бергсонъ (да и не одинъ онъ) заявляетъ, что война „тройственнаго согласія“ противъ германцевъ, есть „борьба цивилизаціи съ варварствомъ“ и когда Петръ Струве съ очаровательной наивностью предлагаетъ намъ признать, что такое пониманіе настоящей войны „есть культурно-философская истина, которую и мы и *наши враги* должны въ полномъ объемѣ восчуствовать“ (!), то я, по совѣсти, не могу восчувствовать ничего, кромѣ сожалѣнія о безплодно растрачиваемыхъ неудачныхъ словесныхъ снарядахъ. Ибо поистинѣ—профессоръ Брентано и профессоръ Струве другъ друга стоятъ, и съ моей стороны было бы явной несправедливостью повѣрить одному больше, чѣмъ другому. Бергсонъ и Виндельбандъ—крупнѣйшіе философы, но когда оба они палятъ другъ въ друга во славу цивилизаціи, взаимно обвиняя другъ друга въ „варварствѣ“—я не могу восчувствовать убѣдительности такихъ доказательствъ.

Есть еще одна черта въ „этической мотиваціи“ войны, вызывающая чувства крайне мало лестныя для господъ, аргументирующихъ отъ справедливости. За примѣрами не далеко ходить, ихъ сотни подъ руками. Вотъ московское воззваніе „отъ русскихъ писателей, художниковъ и артистовъ“, скверно и напыщенно написанное въ отвѣтъ на воззваніе германскихъ ученыхъ и писателей. Русскіе писатели и художники молятъ Бога—„пусть впишутся въ Книгу Судебъ злодѣянія (Германіи) неизгладимыми письменами! И да внушатъ они намъ только одно страстное желаніе: вырвать изъ варварскихъ рукъ оружіе, навсегда лишить Германію той грубой мощи, на достиженіе которой устремила она всѣ свои помыслы“ („Русскія Вѣдомости“, 28 сентября 1914 г.). Подъ этимъ воззваніемъ видишь подписи многихъ ординарныхъ и неординарныхъ академиковъ, художниковъ, писателей во главѣ съ Максимомъ Горькимъ. Почему испытываешь неловкое чувство за подписавшихся? Потому ли, что германскіе писатели и ученые молятъ Господа буквально о томъ же, только по адресу Россіи? Тутъ есть и другая причина.

Капля крови змѣя Фафнера на губахъ Зигфрида дала ему возможность слышать не слова карлика Миме, а его мысли; есть легкая возможность узнать: совпадаютъ ли слова

и мысли каждаго, призывающаго къ войнѣ. Критерій этотъ—не призывы, а поступки, не слова, а дѣла. Не капля крови дракона войны, а готовность отдать свою кровь—вотъ единственное доказательство искренности людей, призывающихъ „вырвать изъ варварскихъ рукъ оружіе", „освободить народы отъ ига милитаризма". Что жъ—вырывайте, освобождайте, но, главное, *дѣлайте это сами.* Добровольцами пошли на войну и погибли германскій соціалъ-демократъ Франкъ, русскій соціалистъ-революціонеръ Слетовъ, либералъ Колюбакинъ, ученикъ Петра Струве Рыкачевъ; каковы бы ни были ихъ побужденія, но поступки ихъ достойны глубокаго уваженія: слова съ дѣлами у нихъ не разошлись. Пусть они погибли за миражъ, но за свои убѣжденія они отдали свою кровь. Что отдали, кромѣ чернилъ въ подписяхъ къ воззванію, воинственные либералы и радикалы, призывающіе „вырвать оружіе" у враговъ, „освободить народы"?

Въ одной изъ своихъ военныхъ статей (въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ") Петръ Струве дѣлился съ нами, читателями, своими профессорскими впечатлѣніями: когда онъ видитъ съ каѳедры сотни устремленныхъ на него студенческихъ глазъ, онъ думаетъ—почему эти юноши теперь здѣсь? Почему они не въ школахъ прапорщиковъ, не на войнѣ? Ихъ мѣсто—въ рядахъ войскъ! И ничего; всѣ спокойно прочли это циничнѣйшее воззваніе профессора. Но я позволю себѣ поинтересоваться: каковъ, однако, „призывной возрастъ" самого Петра Струве? Посылая другихъ на смерть, почему не идетъ на войну онъ самъ? — Ну, конечно, жизнь профессора для родины важнѣе и полезнѣе смерти десятковъ юношей, которыхъ онъ посылаетъ на смерть; это обычное возраженіе, я жду его и теперь. Жду, но оспаривать не буду: оно возбуждаетъ во мнѣ слишкомъ мало лестныя чувства для выдвигающихъ его.

„Этическая мотивація" заключается, такимъ образомъ, явленіями съ этичностью ничего общаго не имѣющими. И эти явленія—вездѣсущи, отъ болотныхъ низинъ и до горныхъ вершинъ. Когда сотрудникъ того же П. Струве, г. Изгоевъ, убѣждаетъ читателей, что „интеллигенція призвана на офицерскіе посты, ея задачи—организаторскія", когда онъ убѣждаетъ молодежь „не составлять ни соціальныхъ, ни политическихъ программъ (это—легкое и пустое дѣло), не сочинять ни новыхъ вѣръ, ни новыхъ религій", когда онъ сообщаетъ, что есть явная преемственность „между знаменитымъ хожденіемъ въ народъ семидесятниковъ и тѣми манифестаціями съ портретомъ государя и гимномъ, которыми русское студенчество встрѣтило привлеченіе его въ этомъ

году къ налогу крови“, когда мы слышимъ все это, то знаемъ ex ungue leonem, какъ къ этому неприличному вздору отнестись. Но когда Максимъ Горькій подписываетъ московское воззваніе, когда Леонидъ Андреевъ на тысячи ладовъ, въ десяткахъ статей, возбуждаетъ и призываетъ къ войнѣ, вмѣсто того, чтобы самому идти на нее, когда совершенно такъ же поступаютъ и „горныя вершины“ нашего неославянофильства, въ родѣ Вячеслава Иванова и присныхъ его, когда всѣ они во всѣхъ воюющихъ странахъ взываютъ къ „освобожденію“, когда они, сидя дома, оправдываютъ и освящаютъ войну „этической мотиваціей“, то нельзя закрывать глаза на всю недостойность ихъ доводовъ. Ихъ «этическая мотиваці» сильна лишь тогда, когда сопровождаетъ слова свои—дѣлами.

V.

Философско-религіозное оправданіе войны, „мессіанское“ утвержденіе націонализма гораздо интереснѣе либерально-этическихъ доводовъ. Конечно, для признанія и принятія этой войны, какъ несущей міру побѣду германской стихіи („Deutschtum“) по мнѣнію Оствальда, или, по мнѣнію нашихъ славянофиловъ, несущей міру благовѣстіе славянства—нужна вѣра. Есть она—сразу всѣ міровые вопросы рѣшены; нѣтъ ея—ну, на нѣтъ и суда нѣтъ, но все же доводы „мессіанскіе“ и въ этомъ случаѣ подлежатъ разсмотрѣнію. Они интересны во всякомъ случаѣ, какъ попытка подвести подъ войну, подъ націонализмъ философскую и религіозную основу; они подходятъ къ самой сущности вопроса, оцѣнивая столкновеніе народовъ не съ точки зрѣнія либеральной „справедливости“ (фальшивой по существу), а съ высоты послѣднихъ вопросовъ—о Богѣ, о человѣчествѣ, о конечныхъ судьбахъ міра, о смыслѣ исторіи...

Спорить съ нимъ по существу—конечно, не приходится. Что можно возразить Оствальду, увѣренному, что Deutschtum предопредѣленіемъ судьбы покоритъ міръ, или С. Булгакову, увѣренному, что Западъ кончился и что теперь Россія призвана пасти народы? Что—возразить? Ровно ничего. Развѣ только сшибить лбами эти двѣ вѣры, которыя одна о другую разбиваются вдребезги. Спорить съ ними—не приходится, послушать ихъ—слѣдуетъ.

Вотъ С. Булгаковъ, безнадежно застрявшій въ моховомъ болотѣ староколѣнный, хорошій человѣкъ, пытается снова отъ Исаіи хватить и раздуть воинственный пылъ своихъ собратьевъ. „О родина, земля святая!.. мученической кровью неповинныхъ сыновъ твоихъ смываются грѣхи нашей госу-

дарственности и общественности, покупается историческая амнистія и прощающій голосъ говоритъ: иди и впредь не грѣши. Иди, избранная, на свѣтлый праздникъ правды и свободы, съ жезломъ въ рукахъ и съ крестомъ въ сердцѣ, иди, счастливая уже тѣмъ, что для тебя—крестъ и мечъ одно"... Это поучительно, хотя и неубѣдительно. „Свѣтлый праздникъ правды и свободы"—это битва у Мазурскихъ озеръ: каждый понимаетъ „праздникъ" по-своему. „Праздникъ примиренія, прощенія, единенія", о которомъ С. Булгаковъ говоритъ тамъ же—это сліяніе горныхъ водъ съ болотной тиной: одному утѣшительно, другому омерзительно. Вновь вспыхнула въ московскомъ староколѣнномъ человѣкѣ мечта „о православномъ Бѣломъ Царѣ", о „мистическомъ источникѣ земной власти"; вѣритъ онъ, что наступаетъ конецъ европейской цивилизаціи, что отнынѣ „на Россію возложена страшная отвѣтственность за духовныя судьбы человѣчества". И вотъ—„смиренная и могучая грядешь ты, Русь, на подвигъ ратный, покорная велѣніямъ Провидѣнія, ведомая Царемъ твоимъ" („Родинѣ"). Развѣ тутъ можно спорить? Такова вѣра человѣка—и оставьте его въ покоѣ! А вѣрующихъ этихъ—достаточно, староколѣнными людьми Москва полна. Прочтите искреннія, но не всегда умныя изліянія С. Булгакова, развязныя статьи г-на Эрна, умныя и всегда „себѣ на умѣ" статьи Вяч. Иванова, затѣмъ нѣсколько иного оттѣнка косноязычныя статьи Бердяева, наивныя статьи М. Гершензона—нѣтъ, не изсякла еще Москва славянофилами, есть еще порохъ въ пороховницахъ! Но спорить съ ними, спорить съ вѣрующими—какая наивность!

Спорить не надо, но надо оцѣнить и взвѣсить тѣ доводы, которыми сами они хотятъ воспѣть, въ тиши кабинетовъ, хвалу войнѣ. Національизмъ въ ихъ освѣщеніи принимаетъ религіозную окраску; современная война есть для нихъ борьба феноменализма европейской культуры съ трансцендентизмомъ русскаго духа, и мессіанская задача Россіи—подчинить міръ „закону Отчему", нѣкоей онтологической Правдѣ. Пусть такъ. Пусть другіе изъ ихъ же стана возражаютъ, что-де „грѣхъ и не время теперь говорить о Западѣ, погрязшемъ въ феноменализмѣ, ибо жертвенная готовность воюющихъ нынѣ народовъ—актъ высочайшаго религіознаго идеализма" (г.г. Эрнъ и Гершензонъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" 23 мая и 28 іюня 1915 года), пусть эти мнѣнія единомышленниковъ снова сталкиваются лбами,—не въ этомъ дѣло. Интереснѣе узнать, отъ нихъ другое: какъ совмѣщаютъ они религіозный идеализмъ съ тѣми орудіями, которыми онъ проводится въ жизнь? Какъ перебрасываютъ они

мость отъ онтологической Правды—къ пулемету, отъ религіознаго трансцендентизма — къ ручнымъ бомбамъ? Какъ возможно это для христіанина, православнаго и вѣрующаго?

Вопросъ этотъ ихъ нисколько не смущаетъ. Они отвѣчаютъ многими словами о „жертвенной (не своей!) крови“ о „жертвенномъ порывѣ“, о „жертвенномъ себяотданіи въ кроткомъ послушаніи“, о „великой тайнѣ жертвы“... Ахъ, если бы они отвѣчали дѣлами, не словами. Легко приносить въ жертву кровь брата своего — этому еще Каинъ примѣръ показалъ. Это разъ. А два: вѣдь на войнѣ приходится не только кровь отдавать, но и кровь проливать, и опять, какъ Каину — кровь брата своего, хотя бы и иноплеменнаго. Но и эту кровь оправдать не трудно: путь указалъ Вл. Соловьевъ своимъ оправданіемъ „смысла войны“, своимъ признаніемъ, что „крестъ и мечъ одно“. Цитируя эти послѣднія слова своего учителя, наши неославянофилы всегда дѣлаютъ видъ, точно забыли, что слова эти посвящены учителемъ восхваленію... германскаго милитаризма и императора Вильгельма! — Слова эти были восторженнымъ отвѣтомъ учителя нынѣшнихъ славянофиловъ на поистинѣ канибальскую извѣстную рѣчь Вильгельма II (тогда — „Зигфрида“, нынѣ — „антихриста“) къ войскамъ, посылавшимся на „усмиреніе“ Китая, на покореніе возрождающагося монгольства. Теперь остріе этихъ же словъ славянофилы наши направляютъ противъ германцевъ, на которыхъ ополчаются въ союзѣ съ тѣми же монголами... Права народная мудрость: слово, что дышло, куда повернешь, туда и вышло.

Но позволимъ и это нашимъ мессіанцамъ. Пусть въ 1900 г. они восторженно присоединяются къ „германскому началу“, чтобы проливать монгольскую кровь; пусть въ 1915 г. они столь же восторженно призываютъ насъ въ союзѣ съ монголами проливать германскую кровь. Позволимъ имъ даже оправдывать это пролитіе крови каждый разъ одними и тѣми же доводами, позволимъ имъ утверждать, что „крестъ и мечъ — одно“, что вѣра ихъ — мистическая, что ею кровь „жертвенно освящается“. Позволимъ имъ, наконецъ, утверждать націонализмъ „мессіанскими“ доводами—это тѣмъ болѣе безопасно, что „мессіанство“ германское и славянское при этомъ, какъ мы видѣли, сталкиваются лбами. Но скажемъ имъ въ то же время, что если кромѣ этихъ мессіанскихъ доводовъ у нихъ нѣтъ другихъ, менѣе хрупкихъ, въ пользу обоснованія націонализма, то все зданіе ихъ—воздушный замокъ, построенный только на вѣрѣ. А вѣра ихъ—для кого же обязательна?

Война для мессіанцевъ есть цѣнность сверхъ-раціональная, цѣнность религіозная (такъ пишетъ М. Гершензонъ),

ибо ведется за религіозныя и сверхъ-раціональныя цѣнности. Какія? — За цѣнности историческія и цѣнности національныя (отвѣчаетъ Н. Бердяевъ), которыя также сверхъ-раціональны и религіозны. Такъ нагромождаются другъ на друга нѣсколько этажей сверхъ-раціональнаго, такъ оправдывается война. А доводами отъ разума не спорятъ, конечно, со сверхъразумнымъ. Да къ тому же и сверхъ-разумное не есть синонимъ положительной цѣнности. Всяческій атавизмъ въ корнѣ своемъ сверхъ-раціоналенъ; но если бы вспышку современной національной вражды объяснить неосознанными атавистическими движеніями души, это не понравилось бы мессіанцамъ.

Цѣнность войны, цѣнность національности... Мессіанцы думаютъ, что можно только либо вѣрить, либо не вѣрить въ эти высшія историческія и „религіозныя" цѣнности, что третьяго пути между мессіанствомъ и позитивизмомъ нѣтъ. Это крупная ошибка. Кромѣ вѣры въ высшія цѣнности и сверхъ вѣры или невѣрія въ нихъ, лежитъ область именно оцѣнки ихъ; вѣра касается „бытія", но оцѣнка начинается только отъ отношенія человѣка къ этому „бытію" (или событію). Можно вѣрить въ Бога, можно не вѣрить въ него, но можно еще и совершенно снять неразрѣшимый „споръ о вѣрѣ" и замѣнить его вопросомъ о пріятіи и непріятіи Бога — пусть „существующаго". Пусть существуетъ и сверхъ-раціональная цѣнность войны — о фактѣ ея существованія мнѣ спорить просто-на-просто неинтересно, ибо такой споръ въ области вѣры безплоденъ; но я эту цѣнность не пріемлю, если даже она и существуетъ, не спорю о сверхъ человѣческомъ фактѣ, но даю ему свою человѣческую оцѣнку. Такъ въ вопросѣ о „бытіи": возможно не отрицаніе, а непріятіе. Тоже въ вопросѣ и о „событіи" — хотя бы о будущемъ событіи осуществленія мессіанскихъ идеаловъ кого бы то ни было, профессора Оствальда или профессора Булгакова, все равно. Пусть идеалы эти осуществимы, пусть даже они осуществятся — я не пріемлю ни того, ни другого, оба они мнѣ одинаково чужды, одинаково враждебны, ибо идеалъ мой другой, внѣнаціональный, внѣнационалистическій, а соціальный, давно уже выраженный словами „благо народа", ибо цѣнность для меня опять-таки иная и цѣнность эта — индивидуальная, цѣнность эта „человѣческая личность".

Я хорошо знаю возраженіе, которое наши „трансцендентисты" считаютъ очень убѣдительнымъ. Послушайте Н. Бердяева. „Послѣдовательно проведенная точка зрѣнія блага людей ведетъ къ отрицанію смысла исторіи и историческихъ

цѣнностей, такъ какъ цѣнности историческія предполагаютъ жертву людскимъ благомъ и людскими поколѣніями во имя того, что выше блага и счастья людей. Цѣнность національности въ исторіи, какъ и всякую, цѣнность приходится утверждать жертвенно (опять!) поверхъ блага людей, и она сталкивается съ исключительнымъ утвержденіемъ блага народа, какъ высшаго критерія. Достоинство націи ставится выше благополучія людей"... („Война и кризисъ интеллигентскаго сознанія").

Возраженіе это поставлено твердо и правильно; съ нимъ надо всецѣло согласиться... перевернувъ его наизнанку. Намъ угрожаютъ „приведеніемъ къ абсурду", приведеніемъ къ отрицанію смысла исторіи и историческихъ цѣнностей. Угроза тщетная: совершенно вѣрно, — можно отвѣтить мессіанцамъ, — внѣ насъ лежащаго „смысла исторіи" нѣтъ никакого; „смыслъ" этотъ, говоря словами Канта, есть не объективный принципъ творчества исторіи, а лишь субъективный принципъ естественной цѣлесообразносни. Цѣнности историческія, — говорятъ намъ, — предполагаютъ жертву людскимъ благомъ и людскими поколѣніями; вотъ именно потому мы и непріемлемъ эти историческія цѣнности и боремся съ ними. Цѣнность „національности"—слышимъ мы,— сталкивается враждебно съ цѣнностью „блага народа"; еще разъ—совершенно вѣрно; историческая цѣнность національности и соціальная цѣнность „блага народа"—взаимно враждебны и не примиримы; каждый долженъ сдѣлать свой выборъ, принять одну и отвергнутъ другую. Мессіанцы безъ колебаній выбираютъ цѣнность историческую, мы — соціальную.

Но разъ сдѣлавъ выборъ, надо принять и всѣ выводы. Мессіанское возвеличеніе національности и войны, какъ цѣнностей и орудій трансцендентныхъ и религіозныхъ, основано на вѣрѣ въ объективный смыслъ историческаго процесса; отсюда выводъ — требованіе жертвы людьми во имя этой вѣры, во имя этихъ высшихъ цѣнностей. Наше признаніе высшими цѣнностями человѣческой личности и блага народнаго, цѣнности индивидуальной и соціальной, требуетъ, въ конечномъ выводѣ, отказа отъ трансцендентнаго смысла исторіи (если онъ и есть, то нами онъ не пріемлется), приводитъ къ признанію за историческимъ процессомъ лишь субъективнаго смысла.

Эти два міровоззрѣнія — въ корнѣ различны, противоположны; ясное дѣло, что вопросъ о національности и вопросъ о войнѣ рѣшается рѣзко различнымъ образомъ въ каждомъ изъ этихъ двухъ теченій мысли. Къ первому изъ нихъ при-

мыкаютъ всѣ мессіанцы и вообще „трансцендентисты“, ко второму—близки или должны быть близки тѣ, которые исходятъ отъ цѣнности такъ или иначе понимаемаго „блага народа“. Такими были до сихъ поръ—соціалисты (хотя они, въ большинствѣ своемъ, крайне „позитивно“ и наивно-матеріалистично отстаивали свою „классовую“ точку зрѣнія). Такъ было. Война, какъ извѣстно, разрушила старыя цѣнности, родила новыя: былые глашатаи „классовости“ стали „націоналистами“, былые глашатаи международнаго братства стали призывать къ войнѣ. Соціалисты воюющихъ странъ (исключеній немного!) измѣнили былому своему міровоззрѣнію и стали усердно двигать колесо національзма и войны, оправдывая ихъ съ точки зрѣнія соціальной и экономической. Это—третій рядъ доводовъ, поддерживающихъ націонализмъ.

VI.

Идеи побѣждаютъ не числомъ своихъ послѣдователей идеи побѣждаются не числомъ своихъ измѣнниковъ. Всеобщее „либеральное“ торжество по поводу крушенія и гибели „интернаціональнаго соціализма“ не является поэтому осиновымъ коломъ въ его могилу. Но все же самый фактъ измѣны массы соціалистовъ своей былой вѣрѣ—остается фактомъ; онъ показываетъ только, какъ мало было среди соціалистовъ (даже среди знаменитѣйшихъ изъ нихъ) подлинныхъ носителей идеи, проникнутыхъ ею до дна души, и какъ много среди нихъ было случайныхъ „попутчиковъ“.

Самые невѣроятные факты посыпались, какъ изъ рога изобилія, съ первыхъ же дней войны. Ограничусь лишь крупными „именами“. Въ началѣ войны соціалисты всѣхъ воюющихъ странъ голосуютъ за военные кредиты; лишь очень немногіе „воздерживаются отъ голосованія“, нѣсколько человѣкъ (изъ сотенъ) вотируютъ противъ; въ числѣ послѣднихъ, къ стыду соціалистовъ главныхъ странъ—два представителя Сербіи, страны, первой подвергнувшейся нападенію.

Соціалъ-демократъ Давидъ доказываетъ въ „Vorwärts'ѣ“, что соціалисты рейхстага должны были, вопреки всѣмъ прежнимъ постановленіямъ, голосовать за военные кредиты, ибо „прежнія постановленія“ были приняты въ мирное время, а значитъ и не обязательны для времени военнаго. И это говорится не въ злую шутку, а серьезно, торжественно...

Редакція „Vorwärts'а“, со своей стороны, „старается оправдать“ тѣхъ, кто голосовалъ противъ кредитовъ: голосовавшіе были-де увѣрены, что все равно останутся въ ни-

чтожномъ меньшинствѣ... Ну, а если бы они не были въ этомъ увѣрены? — И это не анекдотъ, что соціалистической газетѣ надо „оправдывать“ тѣхъ немногихъ, которые остались вѣрны прежней своей вѣрѣ, остались вѣрны соціализму...

Соціалъ-демократъ Зюдекумъ въ началѣ войны былъ посланъ эмиссаромъ въ нейтральныя страны, чтобы склонить соціалистовъ нейтральныхъ странъ въ пользу Германіи, которая-де ведетъ исключительно оборонительную войну... Доводы и аргументы его были таковы, что соціалисты нейтральныхъ странъ отказывались вѣрить возможности ихъ въ устахъ соціалиста. Германскій соціалъ-демократъ Парвусъ, сколотившій во время войны состояніе на хлѣбныхъ военныхъ поставкахъ, былъ также эмиссаромъ въ разныхъ странахъ и усиленно велъ подобную же пропаганду.

Соціалъ-демократическій депутатъ рейхстага отъ Десау заявилъ, что Германія должна присоединить къ своимъ владѣніямъ Бельгію, Голландію и ихъ колоніи. „Vorwärts“ протестуетъ противъ подобныхъ взглядовъ. Это утѣшительно для того, кто читалъ и помнитъ статьи той же газеты отъ начала августа 1914 года, съ восторженнымъ описаніемъ подвиговъ германскихъ и австро-венгерскихъ войскъ.

Соціалъ-демократъ Гейне подводитъ итоги совершившемуся въ душахъ германскихъ соціалистовъ перевороту. Революція—не нужна; мало того, соціальная революція вредна, ибо понижаетъ обороноспособность страны отъ внѣшнихъ враговъ. Поэтому соціалисты „должны признать имперію, какъ базу политической дѣятельности“, должны дѣйствовать, не боясь впасть въ противорѣчіе съ принципами, должны разстаться съ революціонными фразами. Соціализмъ долженъ быть въ Германіи не революціоннымъ и интернаціональнымъ, а лишь прогрессивно-демократическимъ на національной основѣ. Все это очень опредѣленно и, конечно, относится не къ одной Германіи, а къ соціализму всего міра; это откровенная проповѣдь необходимости замѣны былого интернаціональнаго соціализма —„соціализмомъ націоналистическимъ“. Такое contradictio in adjecto ясно показываетъ, что „соціалисты“ типа Гейне и его единомышленниковъ были соціалистами лишь по недоразумѣнію, а теперь и впредь съ соціализмомъ ничего общаго не имѣютъ и имѣть не будутъ.

Такъ отдѣлились и еще отдѣлятся отъ соціализма всѣ „попутчики“, всѣ примкнувшіе къ нему по недоразумѣнію. Ихъ, конечно, очень много, быть можетъ большинство. И хотя среди самихъ же германскихъ соціалистовъ есть группа людей, рѣзко отмежевавшихся отъ мнѣній и поступковъ Зю-

декума, Давида, Парвуса, Гейне и иныхъ, но группа эта была ничтожна въ первые дни войны, когда маски были сброшены, когда каждый показалъ свое лицо. Что же остается, въ такомъ случаѣ, отъ международнаго соціализма? Боюсь, что очень мало; впрочемъ, вѣрнѣе, не боюсь, а радуюсь, ибо никогда не вѣрилъ въ побѣду силою одного лишь количества.

Если отъ германской демократіи перейти къ демократіи другихъ странъ, то всюду картина будетъ одна и та же. Вандервельде вербуетъ волонтеровъ въ бельгійскую армію, заявляя, что обороняющаяся сторона „не нуждается въ оправданіи передъ лицомъ интернаціонала“, что сопротивленіе нашествію есть не только право, но и обязанность соціалиста. Гедъ, Самба и другіе соціалисты на этомъ-же основаніи принимаютъ учасіте во французскихъ министерствахъ „національной обороны“. Анархистъ кн. П. А. Кропоткинъ выражаетъ негодованіе противъ тѣхъ „близорукихъ“ людей, которые до войны боролись во Франціи противъ трехлѣтняго срока военной службы. Бывшій антимилитаристъ Эрве нынѣ выражается крѣпко и сильно: „je m'en fiche du socialisme... c'est la defence nationale qu'il faut“... („наплевать мнѣ на соціализмъ... нужна лишь національная оборона“). Онъ лишь послѣдовательнѣе и смѣлѣе другихъ: онъ говоритъ то, что они думаютъ.

Соціалъ-демократъ Плехановъ, въ началѣ второго года войны, „заклинаетъ всѣмъ святымъ“ думскихъ депутатовъ голосовать за военные кредиты; „голосованіе противъ,—пишетъ и подчеркиваетъ онъ,—было-бы измѣной по отношенію къ народу“ („Рѣчь“, 1915 г., 14 сент.), Гедъ и Самба телеграфно заклинаютъ тѣхъ же депутатовъ „отложить оппозиціонную дѣятельность впредь до окончанія войны“. Соединенная группа народниковъ и марксистовъ обращается ко всему народу русскому съ воззваніемъ—бороться до послѣднихъ силъ съ „хищническимъ предпріятіемъ“ германцевъ; воззваніе это появилось тоже во второй годъ войны и подписано именами Плеханова, Дейча и цѣлаго ряда народниковъ и марксистовъ. Они не находятъ мужества выражаться стилемъ Эрве; наоборотъ, считаютъ свое поведеніе тѣсно связаннымъ со своей предыдущей дѣятельностью. Это же заявляетъ и Плехановъ въ своей отдѣльно изданной брошюрѣ „О войнѣ“, въ которой жестоко достается „германскимъ товарищамъ“ за ихъ не марксистское поведеніе... Чѣмъ отличается отъ нихъ поведеніе самого Плеханова и соединенной группы народниковъ и марксистовъ, столь же воинственно настроенныхъ? Чѣмъ бы ни отличалось, но не

ясно ли уже и теперь, что ихъ новый „націоналистическій соціализмъ“ въ корнѣ различенъ отъ ихъ же былого соціализма интернаціональнаго?—Настолько различенъ, что называть его однимъ и тѣмъ же именемъ—значитъ совершать грубую логическую ошибку.

Доводы націоналъ-соціалистовъ вращаются около одного основного пункта: пораженіе Россіи Германіей было бы въ то же время и пораженіемъ русскаго народа въ борьбѣ за свободу, ибо, во-первыхъ, побѣдители-германцы истощили бы Россію неслыханно громадной контрибуціей, во-вторыхъ, отторгнули бы отъ Россіи значительную территорію и, въ третьихъ, задавили бы экономическую жизнь Россіи выгоднымъ для Германіи торговымъ договоромъ. Все это очень правдоподобно—въ сослагательномъ наклоненіи. А въ изъявительномъ—каждый изъ этихъ трехъ доводовъ нуждается въ такихъ подпоркахъ, какія не могутъ построить націоналъ-соціалисты. Громадная контрибуція? Спору нѣтъ—громадная контрибуція тяжко ляжетъ на плечи народа — но докажите, что она ляжетъ тяжелѣе, чѣмъ тотъ громадный „налогъ крови“, который вы всячески призываете къ народной уплатѣ. Отторженіе территоріи?—Безспорно, отторженіе отъ Россіи значительной территоріи нанесетъ ущербъ пресловутымъ „національнымъ идеаламъ“ и „единству“ Россіи, — но докажите, что благо народное потерпитъ ущербъ отъ этого ущерба, а если и потерпитъ, то болѣе того, чѣмъ терпитъ во время войны милліонами смертей. Тяжелый торговый договоръ?—Конечно, торговый договоръ, навязанный Россіи побѣдительницей-Германіей, будетъ очень выгоденъ германскимъ аграріямъ и промышленникамъ, очень невыгоденъ германскому трудовому народу,—но докажите, что онъ будетъ невыгоденъ русскому трудовому народу (а не русскому купцу), докажите, что хоть самый невыгодный пунктъ этого возможнаго договора стоитъ цѣны крови хоть одного русскаго крестьянина и рабочаго.

Задача, боюсь, непосильная для воинствующихъ соціалистовъ. И тѣмъ болѣе доводы ихъ становятся шаткими, что на каждый изъ этихъ „анти-пораженческихъ“ доводовъ—россійскіе соціалисты „пораженцы“ выдвигаютъ доводы какъ разъ противоположные, доказывая, что „благо народное“ тѣсно связано именно съ пораженіемъ Россіи, что только отсюда придетъ политическая свобода, которая залечитъ всѣ экономическія раны. Мало того, по ихъ мнѣнію, есть возможность утверждать, что побѣда Россіи приведетъ въ экономическомъ отношеніи къ установленію побѣдительницей крайняго протекціонистскаго промышленнаго тарифа, при

минимальныхъ ставкахъ на зерно; Россія будетъ отгорожена китайской стѣной отъ дешевой германской индустріи, но въ стѣнѣ этой широко будутъ раскрыты ворота для усиленнаго отлива изъ Россіи хлѣба. И то, и другое—одинаково выгодно промышленнику и одинаково невыгодно трудовому народу. Побѣда Германіи, наоборотъ, сломитъ эту стѣну, но закроетъ ворота, въ виду интереса германскихъ промышленниковъ и аграріевъ, при чемъ германскіе трудящіеся классы будутъ лишены дешеваго хлѣба, который въ большомъ количествѣ останется въ Россіи „для внутренняго употребленія"; но когда русскій народъ, кромѣ излишка хлѣба, получитъ еще и продукты дешевой германской индустріи. Побѣда и въ томъ, и въ другомъ случаѣ будетъ на руку только купцу и аграрію; трудовой же народъ—и въ этомъ экономическій парадоксъ міровой войны—получитъ выгодный для себя торговый договоръ только въ случаѣ пораженія своей страны. Какъбы ни относиться къ этимъ доводамъ, отъ нихъ нельзя отмахнуться націоналъ-соціалистамъ, доводы которыхъ отличаются большимъ паѳосомъ и малой убѣдительностью.

Но я готовъ этимъ патетически настроеннымъ людямъ сдѣлать всяческія уступки, готовъ не сталкивать ихъ лицомъ къ лицу съ серьезными соціально-экономическими возраженіями. Пусть они будутъ правы во всемъ, пусть всѣ три ихъ главныхъ довода непогрѣшимы, непреложны; пусть будутъ они столь же истинными, сколь и патетическими. Мнѣ интересно тутъ другое. Вѣдь всѣ эти патетическіе люди кромѣ того — соціалисты. Они борются за благо народовъ, они заботятся о будущей судьбѣ бельгійскаго рабочаго и „французской бѣдноты". Такъ это и должно быть: мы знаемъ что для демократа „нѣсть эллинъ и іудей", что соціалистъ никогда не могъ бы отстаивать мѣры, выгодной для его народа и тяжелой для трудящихся классовъ народа сосѣдняго. Какъ же быть, однако, съ воззваніями россійскихъ соціалистовъ, „энергично требующихъ войны до побѣды"? Какъ быть съ призывнымъ кличемъ „должны побѣдить!" или „да будетъ побѣда",—кличемъ, раздавшимся со страницъ марксистскихъ журналовъ? Вѣдь если будетъ побѣда союзниковъ, то на Германію обрушатся всѣ тѣ бѣды, которыхъ счастливо избѣгнуть русскій крестьянинъ, бельгійскій рабочій и французская бѣднота! И пусть бы еще страдала юнкерская Пруссія и капиталистическая Германія, но вѣдь пострадаютъ за всѣхъ и за все трудовые классы Германіи! Неслыханно громадная контрибуція тяжко ляжетъ на плечи восточнопрусскаго крестьянина и вестфальскаго рабочаго, значительная территорія будетъ отторгнута отъ побѣжденныхъ—исчез-

нетъ съ географическихъ картъ чуть ли не вся Австрія, тяжелый торговый договоръ раздавитъ побѣжденную страну...

Какъ мирятся воинствующіе соціалисты съ этими—ими-же вызванными—призраками? Вѣдь то, что страшно для русскаго народа, не менѣе страшно и для германскаго. Быть можетъ, воинствующіе соціалисты желаютъ не полной побѣды, а лишь побѣды до извѣстной черты? Но какими же силами остановятъ они духа войны, котораго такъ настойчиво вызываютъ? Быть можетъ они считаютъ, что въ войнѣ виновата Германія, а потому пусть и платитъ она за разбитую посуду? Но вѣдь виноватъ хозяинъ, а платить и платиться будетъ работникъ—гдѣ же тутъ справедливость? Быть можетъ, они полагаютъ, что своя рубашка къ тѣлу ближе и что о германскомъ трудовомъ народѣ пусть заботятся германскіе „товарищи"? Для интернаціональнаго соціалиста это звучитъ дико, но націоналъ-соціалисты—быть можетъ ils ont changé tout ça?

Какъ-бы тамъ ни было, мы можемъ теперь отнестись къ доводамъ всѣхъ воинствующихъ соціалистовъ всѣхъ странъ—съ одинаковымъ довѣріемъ. Ихъ оправданія націонализма и войны были бы убѣдительны, если бы взаимно не погашали другъ друга. Но вліяніе на массы они оказали, усердно двигая колесо войны, рядомъ съ доводами либерально-этическими и религіозно-мессіанскими. Сознательно и безсознательно идутъ всѣ они къ одной цѣли—къ созданію міровыхъ колоніальныхъ имперій. Кто бы ни побѣдилъ въ великой міровой войнѣ, побѣдитель въ ней будетъ только одинъ—купецъ страны, одержавшей верхъ. Побѣжденнымъ-же можетъ оказаться трудовой народъ страны побѣдительницы.

Неужели-же изъ этого парадокса міровой войны нѣтъ выхода? Неужели будущее такъ безнадежно? Неужели осуществится фантастическій колоніальный романъ XX вѣка? Неужели человѣчество стоитъ передъ рядомъ небывалыхъ міровыхъ купеческихъ войнъ? Все это будетъ неизбѣжно до тѣхъ поръ, пока демократія не сумѣетъ обуздать того духа, которому она теперь покорилась. Спасеніе—не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ мірѣ каждой страны; измѣненія во внутреннемъ политическомъ и соціальномъ строѣ Европы могутъ сдѣлать—и сдѣлаютъ!—невозможными эти кровавые и фантастическіе колоніальные романы, эти міровыя купеческія войны, эти противорѣчія народныхъ интересовъ разныхъ странъ. Будетъ-ли это? Будетъ или нѣтъ, но будущее—творимъ мы, живущіе въ настоящемъ. И путь творчества нашего построенъ давно міровымъ ходомъ исторіи;

надо лишь твердо идти по начертанной дорогѣ, помня о нами же намѣченной конечной цѣли, надо лишь преодолѣть тѣ испытанія, которыя духъ націонализма ставитъ на пути. Тягчайшее испытаніе—испытаніе огнемъ, и мы теперь его пережили, переживаемъ и долго еще будемъ переживать.

VII.

Испытаніе огнемъ войны—испепелило почти „до корня“ былой интернаціональный соціализмъ на его пути къ будущему „братству народовъ“. Что-же?—Отказаться отъ будущаго братства?—Отказаться отъ настоящаго пути?—Отказаться отъ прошлаго соціализма? И вообще—вѣчно новый вопросъ—что дѣлать? Братство народовъ—и раздавленная Бельгія. Брать ли въ руки ружье, сложить ли руки въ бездѣйствіи?

Вопросы, подлинно, испепеляющіе. И лишь тяжелой, трудной внутренней работой можно преодолѣть и искушенія духа націонализма, и глумленія духа апатіи и отчаянія. Мессіанцамъ и всѣмъ принимающимъ объективный смыслъ исторіи—дорога прямая и легкая: съ Богомъ они за панибрата, всѣ планы и замыслы его имъ какъ на ладони видны, досконально извѣстны. Но трудно принимать тотъ субъективный смыслъ исторіи, который такъ попирается на нашихъ же глазахъ. Трудно—и необходимо. Разъ сдѣлавъ выборъ,—повторю еще разъ—надо принять и выводы. И если мы высшими цѣнностями избрали цѣнность индивидуальную—человѣческую личность и цѣнность социальную—благо народа, то цѣнности историческія, цѣнность національности мы тѣмъ самымъ подчинили высшему критерію. Выборъ сдѣланъ—и мы должны быть послѣдовательными.

Міровоззрѣніе, во главу угла ставящее соціальную цѣнность блага народа, мы называемъ соціализмомъ. Идя дальше, можно дать болѣе строго очерченное опредѣленіе, но не въ немъ теперь дѣло, а въ тѣхъ задачахъ, тѣхъ цѣляхъ которыя ставилъ и ставитъ себѣ соціализмъ и соціалистическая демократія. Всѣ политическія группы орудуютъ съ понятіемъ этой соціальной цѣнности, каждая изъ политическихъ партій заявляетъ, что борется только за „благо народа“,—но именно ближайшія задачи и цѣли этихъ партій вскрываютъ подлинную ихъ сущность. Задачи соціализма требовали коренного измѣненія соціальнаго и политическаго строя европейской жизни: „правые“ соціалисты надѣялись на эволюціонный процессъ этого измѣненія, „лѣвые“—предполагали, что процессъ, этотъ возможенъ, только какъ революціонный. Но такъ или иначе—„соціализація Европы“ есть процессъ *вну-*

треннїй и такимъ всегда понималъ его международный соцiализмъ: противорѣчiя въ этомъ не было. Освобожденiе трудового народа, освобожденiе страны отъ внутреннихъ соцiальныхъ и политическихъ путъ — вотъ первая задача международной демократiи въ борьбѣ за цѣнность соцiальную.

Борьбѣ этой сопутствовала борьба за цѣнность индивидуальную, за человѣческую личность, за освобожденiе ея изъ путъ всяческой догмы — хотя бы отъ окостенѣвшей догмы марксизма или народничества, если они не шли впередъ, а топтались на мѣстѣ, становились „ортодоксальными". Всяческая ортодоксiя — Маркса или Михайловскаго, все равно — мертвое тѣло; все живое, все молодое всегда шло впередъ въ поискахъ новыхъ путей, въ борьбѣ за духовную свободу личности человѣческой. Въ этихъ словахъ—вся исторiя русской и мiровой интеллигенцiи всѣхъ классовъ и сословiй, здѣсь—вторая задача соцiализма, идущаго къ новому будущему. Конечно, и въ рядахъ демократiи ортодоксальныхъ мѣщанъ было всегда больше, чѣмъ духовно свободныхъ людей; но вѣдь, скажу еще разъ, не количествомъ своихъ послѣдователей побѣждаютъ идеи... И не количествомъ пышныхъ словъ опредѣляется внутренняя цѣнность идеи, она выявляется лишь въ минуты испытанiй, когда отъ словъ надо перейти къ дѣлу.

И вотъ—настала для демократiи минута испытанiя огнемъ войны, первой мiровой колонiальной войны. Ни одна изъ воюющихъ странъ не скрываетъ, что за звонкими словами объ „освобожденiи", „оборонительной войнѣ", „самоопредѣленiи нацiональностей", таится дѣловой колонiально-купеческiй смыслъ. По характерному выраженiю нѣкоего купца въ „Times'ѣ" — „капитаны промышленности являются въ веденiи этой войны не менѣе важнымъ факторомъ, чѣмъ самъ генеральный штабъ", купеческая война и ведется капитанами промышленности. Конечно, слово „купеческiй" имѣетъ здѣсь ограниченный своею эпохою смыслъ; вѣдь и новгородскiя войны XIII—XV вѣковъ были войнами „купеческими" и даже „колонiальными" (ибо тогда роль „колонiй" играли „пятины новгородскiя"). Былъ купецъ, но не было современнаго гигантскаго развитiя машины, фабрики мiрового „капитализма", и нынѣшняя колонiальная война, оставаясь „купеческой", имѣетъ столько же много общаго съ прежними купеческими войнами, сколько шестнадцати-дюймовая пушка—съ „пищалью" XV в. Цѣль одна, а сущность—безконечно различна. „Натуральныя" колонiи новгородцевъ такъ же похожи на мiровыя колонiи современнаго госу-

дарства-купца, какъ пищаль на шестнадцати-дюймовое орудіе.

Такъ или иначе—государства эти столкнулись въ „кровавой кутермѣ“; для демократіи настало время испытанія огнемъ. Она его не выдержала—это всѣ мы видѣли воочію. Исчезли соціалисты (говорю о большинствѣ), на мѣстѣ ихъ во всѣхъ странахъ появились „оборонцы“ и „пораженцы“. Одно это—признакъ довольно трагическій, ибо и „оборончество“ и „пораженчество“ (хотѣлось-бы, чтобы нелѣпыя слова эти скорѣе исчезли изъ нашего обихода), ибо, повторяю, оба эти теченія—одинаково ничѣмъ не связаны съ демократіей, съ ея основными цѣнностями, съ ея сутью. „Оборонцемъ“ можетъ быть анархистъ Крапоткинъ, „пораженцемъ“ — черносотенное „Русское Знамя“, и наоборотъ, ибо оба эти отношенія къ войнѣ суть лишь вопросы текущей практической политики, а не сущности соціалистическаго міровоззрѣнія. Соціалистъ, какъ и всякій другой, можетъ въ области практической политики считать выгоднымъ для трудового народа или побѣду или пораженіе своей страны; но прежде, чѣмъ разсуждать о вопросѣ политической выгоды, ему не мѣшало бы помнить, что вопросъ о путяхъ достиженія этой „выгоды“ подчиненъ его высшей цѣнности... Иначе онъ становится похожъ на того средневѣкового монаха, который „благо“ своей паствы добывалъ огнемъ и мечомъ святѣйшей инквизиціи, не спрашивая ни того, насколько это желательно его паствѣ, ни того — насколько это похоже на исповѣдуемое имъ христіанство...

„Оборончество“ и „пораженчество“ не больше похожи на соціализмъ, чѣмъ инквизиція на христіанство. Ибо *всякая внѣшняя купеческая война* между „культурными“ государствами, чѣмъ бы она ни кончилась,—пораженіемъ или побѣдой его страны,—для соціалиста чужда и враждебна, ибо она *не его* война, ибо она есть борьба не за его высшія цѣнности. Тѣмъ болѣе это относится къ европейской войнѣ этихъ годовъ, къ первой міровой колоніальной войнѣ, стремящейся къ достиженію такихъ „цѣнностей“, которыя могутъ быть только враждебны демократіи. Для нея—это война *посторонняя* и при пожарѣ ея демократу не надо было ни брать въ руки ружье, ни складывать руки въ бездѣйствіи; онъ долженъ только—продолжать *свое* дѣло.

Но именно это испытаніе оказалось самымъ труднымъ, и въ огнѣ войны соціализмъ далъ трещину сразу съ трехъ сторонъ. Черезъ одну изъ нихъ—испарились изъ соціализма всѣ „попутчики“, всѣ націоналъ-соціалисты, для которыхъ

міровая война не была „посторонней“, ибо *ихъ* государство принимало въ ней участіе... „Мы прежде нѣмцы, а потомъ соціалисты“,—формулировалъ одинъ изъ нихъ свое отношеніе къ войнѣ; этимъ онъ ясно показалъ, что онъ прежде нѣмецъ и потомъ нѣмецъ, а соціалистомъ считалъ себя лишь по недоразумѣнію. И такъ „товарищей“ война родила видимо-невидимо, — извѣстно, что война родитъ героевъ. И стали эти герои посылать народъ на войну, въ небольшемъ числѣ и сами пошли; проповѣдывали оборону и освобожденіе, воспѣвали въ соціалистическихъ газетахъ подвиги члена нѣмецкаго союза древообдѣлочниковъ, всаживающаго штыкъ въ животъ „товарища“ изъ французскаго союза металлистовъ...

Другіе, менѣе прямолинейные, шли на войну и призывали къ войнѣ (оборонительной, конечно!) по другой причинѣ. Это война для соціалиста не „посторонняя“,—говорили они—ибо на ней умираетъ сотнями тысячъ тотъ же народъ, во имя блага котораго работаетъ демократія. Но если смерть за что-либо кажется мнѣ нелѣпой, то я лишь отъ отчаянія могу сложить свою голову рядомъ съ близкимъ мнѣ человѣкомъ, разъ не могу ему помочь. Эта психологія отчаянія—понятна, почтенна, но вѣдь это тоже отказъ отъ былой вѣры, хотя и по другой причинѣ: разъ ничѣмъ нельзя ни другому, ни себѣ помочь—остается только умереть. Тѣ, у кого вѣра въ будущее сохранилась, не пойдутъ этой дорогой. А что касается сотенъ тысячъ смертей сыновъ народа, почему-де и война эта намъ „не посторонняя“, то это доводъ не изъ сильныхъ: кто же изъ нашихъ демократовъ не считалъ „посторонней“ для себя и для народа—японской войны 1904—1905 годовъ, на которой народъ умиралъ, если не сотнями, то десятками тысячъ? Очевидно, дѣло тутъ не въ томъ, что народъ умираетъ, а въ томъ, за что онъ умираетъ...

Это и есть боевой доводъ третьихъ, выбитыхъ изъ колеи соціализма войной. Они не признаютъ перемѣны своей вѣры, они утверждаютъ, что, взывая къ войнѣ (оборонительной, всюду оборонительной!), не измѣнили они былой вѣрѣ, а лишь съ новой силой служатъ ей, служатъ свободѣ, служатъ правдѣ, служатъ угнетенному народу. Міровая эта война—есть война „на покореніе“ ряда народностей, и демократъ, стоящій за „самоопредѣленіе національностей“, не можетъ не принять участіе въ дѣятельной защитѣ покоряемыхъ. Такъ говорили бельгійскіе, французскіе и русскіе „соціалисты“ по поводу Бельгіи и Сербіи, такъ говорили германскіе и австрійскіе „соціалисты“ по поводу Галиціи и Восточной Пруссіи... И не только „говорили“: лучшіе изъ нихъ, дѣ-

лали“—записывались добровольцами въ арміи, шли умирать и умирали, шли стрѣлять другъ въ друга и стрѣляли во имя братства народовъ... Другіе оставшіеся дома, организовывали „національную оборону“ и тоже боролись словесно за „высшіе идеалы соціализма“. Нельзя считать эту войну „посторонней“,—вопіяли они,—ибо нельзя не откликнуться дѣйствіемъ на то, что происходитъ вокругъ. Оглянитесь: всюду разстрѣлы женщинъ и дѣтей, всюду топчется право, la force prime le droit, всюду гибель слабыхъ и звѣрское „торжество побѣдителей“... Германскіе соціалисты все это выдвигали противъ своихъ восточныхъ враговъ, французскіе и бельгійскіе—противъ германскихъ... Но намъ совсѣмъ нѣтъ нужды разбирать, кто тутъ правъ, кто виноватъ: пусть будутъ *оба правы*—это будетъ ближе къ истинѣ. Зато слѣдуетъ съ особенной силой подчеркнуть, что въ тоже самое время — *оба неправы*, опираясь въ своихъ доводахъ на соціализмъ. Ибо, повторяю, для человѣка, высшими цѣнностями котораго являются цѣнность индивидуальная и соціальная, человѣческая личность и благо народа, для этого человѣка міровая война 1914 года есть дѣло постороннее; онъ долженъ быть готовъ отдать себя, но отдать за другое...

VIII.

Что дѣлать?—Что надо было дѣлать?—Надо было немѣшаться не въ свое дѣло. И надо было дѣлать *свое* дѣло. Только и всего.

Итакъ, надо было предоставить маленькую Сербію алчной Австріи? Не помочь при видѣ наглаго насилія, при видѣ разбойнаго нападенія? Демократія дала себя запугать этими „жалкими словами“, ибо, поистинѣ, все это лишь слова, слова, слова. Трудно повѣрить, чтобы человѣкъ, стоящій на благѣ личности и народа, т. е. въ широкомъ смыслѣ этого слова *народникъ*, не задался бы хотя мимоходомъ мыслью: а что было бы, если Австрія дѣйствительно поглотила Сербію? Проглотила-бы безъ сопротивленія, не подавившись, такъ-таки цѣликомъ, присоединила бы къ себѣ, какъ новую провинцію? — Тогда Австрія не могла-бы не превратиться въ имперію „тріалистическую“, и сербы, соединенные съ хорватами, словаками, боснійцами, далматинцами, образовали бы громадную „великосербскую провинцію“, гдѣ *трудовому народу* жилось бы, быть можетъ, нисколько не хуже, чѣмъ въ „великосербской имперіи“, за которую въ войнѣ этихъ годовъ разгромленъ, уничтоженъ, вырѣзанъ сербскій народъ. Тѣ два сербскіе соціалиста, которыя нашли въ себѣ смѣлость подъ вой и свистъ „націоналистовъ“ голосовать про-

тивъ военныхъ кредитовъ, когда война уже повисла надъ ихъ страной—понимали интересы сербскаго народа лучше сотенъ „націоналъ-соціалистовъ", зовущихъ въ бой за свободу Сербіи...

Есть ходячее марксистское возраженіе противъ такой постановки вопроса. „Побѣда Австріи, окончательно подчинивъ австрійской эксплоатаціи Сербію, замедлила бы экономическое развитіе этой послѣдней" (Г. Плехановъ). Подставьте вмѣсто Австріи—Англію, вмѣсто Сербіи—Трансвааль, и вы увидите, что возраженіе это не всегда оправдывается исторической дѣйствительностью. А главное—на какихъ вѣсахъ свѣсите вы, когда больше „замедлилось бы экономическое развитіе" Сербіи: когда она цѣликомъ была бы присоединена къ Австріи, или когда сербскій народъ истекъ-бы кровью такъ, какъ онъ истекъ въ 1915 году? Не мѣшало-бы подумать сторонникамъ такого кровопусканія, а значитъ и худшимъ врагамъ сербскаго народа, — для чего возъ орѣховъ беззубой бѣлкѣ?

Но пусть этотъ „соціологическій законъ" о замедленіи экономическаго развитія промышленно отсталой страны при ея одолѣніи и покореніи промышленно-мощнымъ государствомъ, пусть этотъ миѳическій „законъ" всегда и вполнѣ справедливъ. Однако, и въ этомъ случаѣ для меня загадка: какимъ образомъ наши „соціалисты" ухитряются примѣнять этотъ „законъ" одновременно и къ Сербіи, и къ Бельгіи? И какъ могутъ они доказать, что для бельгійскаго рудокопа правительство короля Альберта „выгоднѣе" сената вольнаго города Гамбурга? (Я здѣсь все еще говорю о „выгодѣ"; о „правдѣ" и „справедливости" рѣчь впереди). — Впрочемъ, загадка эта довольно просто и... откровенно разрѣшается „практическими политиками" соціализма. Мнѣ лично пришлось слышать изъ устъ одного народнико-марксиста и статистико-публициста слѣдующее оправданіе военно-патріотической дѣятельности Вандервельде: онъ учитывалъ настроеніе рабочихъ массъ, что-де и долженъ всегда дѣлать практическій политикъ... Это откровенное признаніе рядового соціалиста нехотя оспариваетъ марксистскій вождь, Г. Плехановъ: германскіе соціаль-демократы голосовали за войну, чтобы не потерять на слѣдующихъ выборахъ милліона два голосовъ, и „конечно, это было совершенно *оппортюнистическое рѣшеніе*". Боже, до чего это мягко сказано! Оппортунизмъ—великъ ли грѣхъ! Вѣдь еще Бебель сказалъ: „всѣ мы оппортунисты". И поэтому, когда французскіе соціалисты тоже „безусловно голосуютъ за военный кредитъ", то Г. Плехановъ находитъ еще болѣе мягкія слова для обсужде-

нія, но не осужденія такого поступка. Конечно, они обязаны были голосовать за военный кредитъ, но... „голосуя за него, они могли и обязаны были громко высказать нѣкоторыя неоспоримыя истины, горькія для французской буржуазной дипломатіи, но полезныя съ точки зрѣнія развитія самосознанія въ международномъ пролетаріатѣ“... (Г. Плехановъ, „О войнѣ“, стр. 19). И только. Голосуй за войну, но лишь выскажи при этомъ нѣкоторыя неоспоримыя истины...

До такихъ невѣроятныхъ предѣловъ можно дойти, пытаясь оправдать неоправдаемое. Не удивляйтесь: это называется „оппортунизмъ“. Я-бы, впрочемъ, назвалъ это нѣсколько иначе... но не въ названіи дѣло, а въ томъ, что соображенія „практической политики“ объясняютъ намъ поведеніе большинства вождей международнаго соціализма. И довольно: послѣ такого признанія „вожди“ это намъ ни мало не интересны. Ибо подлинный идейный вождь не боится остаться въ меньшинствѣ, не боится остаться въ полномъ одиночествѣ. Онъ погибаетъ, но его идеи побѣждаютъ. А эти многочисленные „вожди“ побѣждаютъ въ злободневной борьбѣ, но идеи ихъ гибнутъ, ибо „побѣда“ достается вождямъ цѣною идеи. Кто хочетъ, пусть идетъ за ними.

Народъ захотѣлъ,—отвѣчаютъ намъ;—народъ захотѣлъ, и вожди сами пошли за народомъ... Именемъ народа говорить легко, ибо народъ — все еще безмолвствуетъ. Когда его ставятъ лицомъ къ лицу съ уже совершившимся фактомъ войны — онъ принимаетъ ее, онъ старается осмыслить ее, какъ борьбу за „родину“, какъ „мірское дѣло“. какъ наваленную на мірскія плечи тяготу:

Постоимъ-де мы, братцы, за родину,
За мірскую Микулову пахоту,
За бѣлицу-весну съ зорькой-свѣченькой
Надъ мощами полѣсій затепленной...

Все это такъ, но скажите откровенно: какой былъ-бы отвѣтъ сербскаго или бельгійскаго *народа*, если-бы былъ мыслимъ въ одинъ мигъ произведенный „референдумъ“, даже въ отвѣтъ на грубые ультиматумы Австріи и Германіи 1914 года? Такъ-ли вы увѣрены, даже принимая во вниманіе опьянѣніе гашишемъ національзма, что *народъ* то-же бы „голосовалъ за войну“? Я увѣренъ—въ противномъ, какія-бы страны ни подставлять вмѣсто Сербіи и Бельгіи. Но на этой моей увѣренности я ничего ни строю, зачѣмъ-же вы возводите на своей разныя фантастическія зданія? Но если бы даже вы были правы, если-бы *мнѣнія* всего народа были на вашей сторонѣ, то все-же *интересы его* я понималъ-бы не подчиняясь большинству. И потому докажите сначала,

что „выгода" сербскаго народа требовала уничтоженія его войною, а не присоединенія Сербіи къ Австріи, что въ интересахъ бельгійскаго *народа* было предпочтеніе правительства короля Альберта правительству императора германскаго или президента французской республики, что благо германскаго *народа* требовало гибели милліоновъ этого народа, а не покоренія его (даже!) „дикой Россіей", или хотя-бы полнаго поглощенія его и раздѣленія между „варварской Россіей, вырождающейся Франціей и торгашеской Англіей"... А пока вы будете это доказывать — позвольте напомнить вамъ одну сказочку изъ сборника Л. Толстого.

„Была война; бѣжали люди отъ враговъ.—

Пришелъ мужикъ на лугъ за лошадью и говоритъ:

— Иди скорѣй за мной, а то враги тебя заберутъ.

А лошадь спрашиваетъ:

— А что они со мной дѣлать будутъ?

Мужикъ говоритъ:

— Заставятъ тебя работать на нихъ, бить станутъ, коли не захочешь.

— А ты со мною развѣ иначе поступаешь? Такъ что-же мнѣ ихъ бояться?"

Конецъ сказки мы хорошо знаемъ: мужикъ беретъ кнутъ и ведетъ лошадь, куда ему желательно. Такъ было, такъ есть, такъ еще долго будетъ. Но почему мнѣ это „сущее" признавать за „должное"—не знаю.

Но зато я знаю, какія возраженія выставляются противъ этой высшей цѣнности блага народнаго; она отрицаетъ цѣнности историческія, она „не государственная" точка зрѣнія... Какъ! Допустить, чтобы Россія завладѣла всею Галиціею и западной Польшей! Но вѣдь Австрія должна бороться за свою „цѣлость", вѣдь Россія должна, во имя задачъ государственныхъ, бороться за свое преобладаніе на Балканахъ, за овладѣніе проливами. Да, государственность... Какое дѣло народу до того, въ чьихъ рукахъ Дарданеллы, чѣмъ вредилъ народу этотъ „ключъ" въ рукахъ турокъ, и если міровой купецъ, русскій и германскій одновременно, пожелалъ присвоить себѣ этотъ ключъ, то почему тащить его изъ огня долженъ народъ — объ этомъ не спрашивайте. Ибо вся это „государственная" точка зрѣнія покоится на „постулатѣ" единства національныхъ интересовъ. „Постулатъ" этотъ трогательно примѣняется только въ тѣ минуты, когда націоналисты нуждаются въ „народѣ". Было бы много убѣдительнѣе если бы волкъ просилъ помощи журавля не тогда, когда на него, волка, пришла бѣда, когда онъ „костью чуть не подавился", а до этого прискорбнаго случая. А то сплошь да

рядомъ случается, что лишь только журавль „съ трудностью большою“ поможетъ волку, какъ тотъ немедленно поступаетъ по примѣру волка изъ крыловской басни. Это не мѣшаетъ въ новыя трудныя минуты снова трагательно взывать о помощи, взывать о „единствѣ національныхъ интересовъ“. Либералы всѣхъ странъ крѣпко сидятъ верхомъ на этой непрочной палочкѣ; но какое дѣло до нея демократіи? И неужели надо еще въ сотый и тысячный разъ напоминать хотя-бы о знаменитой формулѣ: *національное* богатство есть нищета *народа?* Пусть овладѣненіе проливами есть историческая цѣнность, „благо націи“, но оно есть „бѣдствіе народа“: моря крови онъ за нихъ проливаетъ. И здѣсь какъ всегда, соціальная цѣнность должна для насъ побѣдить историческую. Соціалистъ, разсуждающій о военныхъ „національныхъ и государственныхъ задачахъ“ это по существу соціализма—бѣлая ворона; но этихъ странныхъ птицъ, выкрашенныхъ въ бѣлое, развелось съ начала войны видимо-невидимо.

IX.

Доводы отъ „права“, отъ „справедливости“ съ негодованіемъ устраняютъ точку зрѣнія „выгоды“. Пусть „выгодно“ было бельгійцамъ покориться германскому нашествію и „предать“ Францію, но эта „выгода“ — тридцать сребренниковъ цѣна ей. Пусть „выгодно“ было сербамъ отойти подъ власть Австріи, но „благородный маленькій народъ гордо всталъ на защиту своей независимости“... И вотъ самые чуткіе, искренніе, непосредственные изъ былыхъ соціалистовъ записываются въ добровольцы, идутъ умирать за освобожденіе Бельгіи, за свободу Сербіи, за Францію, за Германію, за Россію. Доходитъ до того, что соціалисты-добровольцы съ пыломъ и взвинченнымъ самоотверженіемъ ѣдутъ освобождать Македонію... отъ болгаръ! (Русск. Вѣд., 1915 г. № 253). По истинѣ—это было-бы смѣшно, если-бы не было трагично. Но уже по этому „освобожденію Македоніи отъ болгаръ“ можно видѣть, что здѣсь дѣло уже не въ томъ, кого и отъ кого освобождать, а въ самомъ паѳосѣ освобожденія. Однако, отчего-бы не задаться вопросомъ: почему эти-же соціалисты не шли съ оружіемъ въ рукахъ освобождать Македонію отъ сербовъ и отъ грековъ?

Я напомню еще другое. За пятнадцать лѣтъ до міровой войны совершилось „международное преступленіе“ не меньшее, чѣмъ покореніе Сербіи Австріей и Бельгіи—Германіей. Это было покореніе джингоистской Англіей — „свободнаго

народа буровъ“, покореніе Трансвааля, вызвавшее противъ Англіи взрывъ „мірового возмущенія“. Негодовала и соціалистическая пресса всѣхъ странъ. Но вотъ что характерно. Въ бурскіе ряды вступило не малое число волонтеровъ, представителей разныхъ странъ; тутъ были французы, русскіе, германцы, представители всѣхъ міровыхъ купеческихъ имперіализмовъ, враждебныхъ англійскому; былъ тамъ, напримѣръ, русскій фютюръ-октябристъ, а тогда либеральный купецъ, г. Гучковъ. Но назовите мнѣ хотя-бы одного соціалиста, который не ограничился-бы тогда словеснымъ возмущеніемъ и моральнымъ негодованіемъ, а взялъ въ руки ружье и пошелъ сражаться за свободу покоряемаго народа. Назовите хоть одного! Не назовете; такого не было. А вѣдь газеты были полны сообщеніями о „звѣрствахъ англичанъ“ и о „геройской защитѣ благороднымъ маленькимъ народомъ своей независимости“...

Что-же? Или Трансвааль былъ слишкомъ далеко? Но развѣ чувство оскорбленной справедливости обратно пропорціонально квадрату разстояній?... Почему-же „либералы“ пошли защищать буровъ и бороться съ ненавистнымъ англійскимъ имперіализмомъ, а соціалисты—сидѣли смирно и не образовывали добровольческихъ дружинъ? Развѣ дѣло справедливости не есть уже этимъ самымъ дѣло соціализма? Или за пятнадцать лѣтъ соціалисты сдѣлали такой громадный шагъ впередъ въ благородной отзывчивости на всякую несправедливость, и потому идутъ теперь десятками въ дружины для освобожденія Бельгіи, Польши, Сербіи и Македоніи. Однако, еще за три года до міровой войны никто изъ нихъ не пошелъ убивать и умирать за ту же Македонію, разорванную и растерзанную.

Тутъ величайшее внутреннее заблужденіе, освящаемое хорошими побужденіями и словами. Заблужденіе въ томъ, что первую міровую—колоніальную войну, войну имперіалистическую, *государственную*, соціалисты сочли войной *народной*. Общій „національный подъемъ“ заразилъ ихъ, они сочли его подъемомъ народнымъ, связаннымъ съ благомъ народнымъ. Прежде они понимали, что какъ ни безцеремонна англійская имперіалистическая политика, все-же главная тяжесть ея падетъ не на бурскій народъ, а на бурское правительство, что народу можетъ быть не хуже, если не лучше „подъ владычествомъ Англіи“. Наркозъ націонализма мѣшаетъ это понять примѣнительно къ Австріи и Сербіи, Германіи и Бельгіи. Способствуютъ этому и тѣ возмущающія душу формы, какія съ первыхъ-же дней приняла міровая война. Но какъ это ни трудно, а *надо* разглядѣть, даже

черезъ эти дикія формы, что лозунги „освобожденія народнаго не имѣютъ смысла въ процессѣ борьбы міровыхъ имперій, столкнувшихся въ дѣлежѣ земного шара.

Но убитыя женщины и дѣти, разстрѣлянные мирные жители, разграбленные города, попранная справедливость— какъ не стать на ихъ защиту? — Да, нельзя не стать, но какимъ путемъ? Вѣдь всѣ воюющія страны стали ареною этихъ ужасовъ: Бельгія, Сербія, Франція, Германія, Австрія, Россія... Какъ не понять, что Калишъ, Лувенъ, Бѣлградъ, Мемель—все это одинаковые свидѣтели человѣческаго озвѣренія, спутника разнузданности того мига, въ который „все позволенно"... Взять ружье въ руки для „защиты" народа отъ этого озвѣренія—значитъ отъ дождя броситься въ воду. Подъ вліяніемъ внезапно нахлынувшаго непосредственнаго чувства можно рѣшиться на самый неожиданный шагъ, но тогда не надо пытаться обосновывать его доводами „отъ разума": попытка напрасная.

Независимость Сербіи, свобода Бельгіи... Неужели „соціалисты - патріоты еще не понимаютъ, что *государственная* независимость маленькихъ есть лишь временный буферъ между столкновеніемъ міровыхъ имперіализмовъ? Неужели соціализмъ хотъ когда-нибудь серьезно прилагалъ нормы этики къ пресловутому „международному праву"? Знаменитый профессоръ этого права, Листъ, заявляетъ, что Германія нарушила нейтралитетъ Бельгіи... въ состояніи необходимой обороны! Совершенно то-же самое заявляетъ французскій профессоръ... по поводу нарушенія нейтралитета Греціи! И они вполнѣ правы: ибо нормы международнаго права—не этическія. а всего лишь юридическія, которыя подлежатъ измѣненіямъ при каждомъ „новомъ накопленіи фактовъ"... Пусть накопляютъ факты, пусть измѣняютъ нормы—демократіи до этого нѣтъ никакого дѣла; съ нарушеніемъ-же этихъ нормъ у нея есть только одинъ путь борьбы — путь борьбы за коренное измѣненіе *внутреннихъ* порядковъ европейской жизни. Другими словами это и значитъ надо дѣлать *свое* дѣло. *Государственная* свобода и независимость Сербіи или Бельгіи есть вопросъ „равновѣсія міровыхъ имперіализмовъ"; *народная* свобода въ каждой изъ нихъ есть вопросъ соотношенія внутреннихъ силъ страны. И только борьбой за направленіе этихъ внутреннихъ силъ можно достичь крушенія міровыхъ имперіализмовъ и сдѣлать невозможными всѣ вопіющія нарушенія не только „нормъ междунаднаго права", но и высшихъ человѣческихъ правъ.

Борьба за народную свободу — дѣло соціализма; борьба за государственное расширеніе — дѣло имперіализма. Въ

войнахъ и возстаніяхъ народныхъ соціализмъ принималъ участіе, войны государственныя онъ всегда считалъ чуждыми себѣ. Признаніе міровой имперіалистической войны войной народной — главная ошибка всѣхъ современныхъ соціалистовъ, воинственно теперь настроенныхъ. Они ссылаются на Гарибальди, на освобожденіе Италіи и забываютъ девизъ революціонной итальянской демократіи послѣ 1848 года; „Italia fara da se“ — рѣзкій протестъ противъ всякаго сторонняго государственнаго вмѣшательства въ дѣло народное. Они указываютъ на борьбу за освобожденіе Польши, но забываютъ, что и „освобожденіе“ можетъ быть двоякое: государственное и народное. Государственный идеалъ „Польши отъ моря до моря“, идеалъ имперіалистическій, долженъ быть вполнѣ чуждъ каждому соціалисту, въ томъ числѣ и польскому; освобожденіе польскаго народа отъ вѣкового „обрусенія“ — должно быть близко сердцу каждаго соціалиста, прежде-же всего русскаго и германскаго. „Свободная Польша“, „Свободная Сербія“, *отъ чего* свободная? Политически свободная Польша можетъ отвести очень узкія рамки внутренней свободѣ польскаго народа; въ политически несуществующей Чехіи возможна большая свобода народная; неужели эту азбуку соціализму надо вновь переучивать?

Послѣдняя цетадель націоналъ-соціалистовъ — апелляція къ „праву національной самообороны“. Но это снова сказка про бѣлаго бычка, ибо снова должны они отвѣтить на прежній вопросъ: во имя какой высшей цѣнности прибѣгаютъ они къ этому „праву“? Во имя цѣнности исторической? Но соціализмъ подчиняетъ ее цѣнностямъ высшимъ. Во имя „справедливости“? Да, во имя „справедливости“, во имя „права личности“... Въ видѣ иллюстраціи и доказательства они любятъ приводить слова Михайловскаго о томъ, что если-бы (смыслъ словъ) черносотенные погромщики, пусть „люди деревни“, ворвались къ нему въ кабинетъ, разбили бюстъ Бѣлинскаго, сожгли книги, то онъ не покорился-бы людямъ деревни, сталъ-бы словами и дѣйствіями защищаться отъ дикаго произвола... (Соч. т. III, стр. 692).

Слова совершенно вѣрныя, ибо не надо даже быть и соціалистомъ, не надо даже самому подвергаться черносотенному насилію, чтобы словами и дѣйствіями бороться съ такимъ насиліемъ — будь то во время кишиневской рѣзни, или во время московскаго погрома въ маѣ 1915 года. Я не слышалъ, впрочемъ, чтобы русскіе соціалисты организовали добровольческія дружины для борбы съ московскими хулиганами громилами, или чтобы соціалисты французскіе поступили-бы такъ-же. когда парижскіе хулиганы громили мага-

зины „Магги“ въ 1914 году. Но не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что отождествляя военныя дѣйствія съ черносотеннымъ погромомъ, національ-соціалисты сами роютъ себѣ яму. Они столь усердно на всѣ лады изъясняютъ слова Михайловскаго что готовы, кажется, доказывать, что въ 1915 г., во время разгрома помѣщичьихъ усадебъ, Михайловскій обязательно исхлопоталъ-бы у губернатора сотню казаковъ для защиты своего дома, шкафовъ съ книгами и бюста Бѣлинскаго... Эти усердные комментаторы не понимаютъ, однако, главнаго. Пусть война есть погромъ, но вѣдь „погромъ“ этотъ—двусторонній... Такіе бываютъ въ городахъ Индіи, когда толпы вооруженныхъ мусульманъ идутъ громить индусскіе кварталы. а толпы вооруженныхъ индусовъ идутъ громить мусульманскіе. Русскій погромъ былъ въ Восточной Пруссіи, Галиціи и Венгріи, германскій погромъ — въ Бельгіи, Польшѣ и Сербіи: соціалисту, какъ будьто-бы, нѣтъ особаго основанія отдавать предпочтеніе одному изъ этихъ „двусторонних процессовъ“?

Со всѣхъ концовъ мы приходимъ къ одной точкѣ: къ твердому признанію, что для демократіи міровая колоніальная война есть война *посторонняя,* чуждая, чужая. Помогать раненымъ, плѣннымъ, страдающимъ и недугующимъ отъ войны — соціалистъ можетъ и долженъ, точно такъ же, какъ помогаетъ онъ голодающимъ въ тяжелые голодные годы: помогать самой войнѣ — не его дѣло, его дѣло — борьба съ нею всѣми силами, хотя-бы силами одного противъ всѣхъ. И здѣсь, примѣръ, приведенный Михайловскимъ, какъ нельзя болѣе кстати. Если въ домъ мой врывается тотъ духовный погромъ, который прокатился, какъ смерчъ, по всему міровому соціализму, врывается, „сжигаетъ книги“, „разбиваетъ бюсты Бѣлинскаго“ и требуетъ, чтобы я покорился этому духовному насилію во имя „націонализма“, „единенія“, „Burgfriede“ или чего вамъ угодно, — то я не покорюсь этому погрому духовныхъ цѣнностей: я буду драться, если у меня, разумѣется, не будутъ связаны руки (Михайловскій). Руки, конечно, связаны: правомъ слова во время войны пользуются лишь „соціалисты-патріоты“. Но тѣмъ болѣе всѣми силами необходимо бороться противъ ихъ воинственныхъ призывовъ, такъ радостно подхваченныхъ со всѣхъ сторонъ. Пусть эта борьба „противъ всѣхъ“ противорѣчитъ всѣмъ здравымъ принципамъ „практической политики“, пусть она безсильна теперь зерно горчичное сдвинуть съ мѣста— съ тѣмъ большей смѣлостью должны мы высказать именно теперь нашу правду. Ибо „практическая политика“ — минется. а правда— останется...

X.

Правда останется—старая правда, признающая высшей цѣнностью личность человѣческую, признающая высшимъ благомъ благо народное. Скоро ли правда эта побѣдитъ—что намъ до того? Лишь бы не погасла въ насъ воля къ борьбѣ за эту правду.

Воля къ борьбѣ — это значитъ, что правда наша не совпадаетъ съ правдой „толстовца", правдой пассивной, безборной и безбурной. Когда на царство Ивана Дурака пошелъ войной тараканскій царь и сталъ дома жечь и скотину бить, то дураковцы только горько плакали, не противились и сидѣли сложа руки, — этимъ и побѣдили царя тараканскаго. Сидѣть сложа руки — не дѣло демократіи; наоборотъ, дѣла у нея всегда полны руки, и особенно когда вспыхиваютъ первыя зарницы войны. И первое дѣло ея — не разжигать національныя страсти, не призывать къ оружію противъ внѣшняго врага, а дѣлать свое внутреннее дѣло и помнить, что, быть можетъ, даже полное раздѣленіе страны между сосѣдними тараканскими царями для народа лучше (и „справедливѣе" и „выгоднѣе") той „кровавой кутерьмы", въ которой народъ погибаетъ. Тѣмъ болѣе справедливо это, что покорить даже большое государство — можно, покорить даже маленькій народъ — нельзя. Цѣлый вѣкъ бились германскіе „гакатисты" и россійскіе ташкентцы — удалось ли имъ покорить польскій народъ? Имъ удалось только сдѣлать его упорнѣе въ отстаиваніи своего быта, своего языка, своей культуры. А Финляндія, Italia irredenta, Индія, арабы — развѣ всѣ эти разнородные примѣры мало убѣдительны? Попробовали бы „союзныя державы" наложить свою руку на германскій народъ, послѣ хотя бы полнаго расчлененія Германіи! Попробовали бы германцы наложить свою руку на русскій или англійскій народъ, послѣ хотя-бы полнаго покоренія Англіи и Россіи! Неужели не ясно, что это столь же возможно, какъ прыжокъ на луну!

„Тараканская" культура — всюду приблизительно одинакова; она гордо именуется „европейской культурой". Африканское племя людоѣдовъ ньянь-ньянъ можно „европеизировать" — „французить", „огерманить" или „обангличанить"; но „огерманить" французовъ, „обангличанить" нѣмцевъ, „обрусить" венгерцевъ — дикое предпріятіе, дикое, ибо невозможное. Бытъ, языкъ, культура народная — вотъ въ чемъ вѣчная сила національизма, и сила благая, пока не дѣлается она тараномъ противъ другой сосѣдней силы. И я, ни минуты не колеблясь, заявляю себя въ *этомъ смыслѣ* — самымъ убѣжденнымъ „націоналистомъ", не имѣющимъ, однако, пи-

чего общаго съ воинственными „націоналъ-соціалистами“ и „соціалистами-патріотами“ нашихъ дней. Искусство, — высшее проявленіе и закрѣпленіе быта, языка и культуры, — всегда національно; интернаціональные Вагнеръ, Толстой, Гете — нелѣпость, невозможность. „Они дѣлаются „интернаціональными“ и міровыми, оставаясь при этомъ глубоко „національными“ и народными; не народный, не національный, а лишь „интернаціональный“ художникъ былъ бы лишь никому ненужнымъ воплощеннымъ двуногимъ воляпюкомъ. Я не поклонникъ духовнаго и культурнаго „эсперанто“: демократія объединитъ человѣчество въ далекомъ будущемъ, не разрушая того, что разрушить никому не подъ силу: народа, его быта, его культуры.

И поэтому вдвойнѣ безсмысленна защита соціализмомъ этой неразрушимой сущности — пулеметами, бомбами: онъ защищаетъ то, что несокрушимо, и губитъ при этомъ то, что должно быть для него дороже всего. Еще разъ скажу: уровень „европейской культуры“, какъ уровень воды въ сообщающихся моряхъ, всюду приблизительно одинаковъ: одно это могло бы заставить соціалиста не взывать къ оружію противъ внѣшняго врага, а упорно пытаться поднять „уровень“ этотъ въ своей странѣ совсѣмъ другими мѣрами... Взять въ руки ружье въ борьбѣ за національизмъ, бросать ручныя гранаты, поливать людей изъ пулемета — значитъ низвести себя до степени „дикаря высшей культуры“, это значитъ стать тѣмъ же людоѣдомъ племени ньянъ-ньянъ, только въ высоко „цивилизованной“ формѣ. Сущность же одна. Ибо соціалистъ — пусть профессоръ и „просвѣщеннѣйшій человѣкъ“, поливающій своихъ „враговъ“ изъ пулемета во славу своей „національности“, стоитъ на той же ступени нравственнаго развитія, что и африканскій людоѣдъ, пожирающій врага во славу своего племени.

Есть наивные люди, которые до сихъ поръ еще видятъ въ войнѣ „турниръ“, благородное состязаніе двухъ равносильныхъ бойцовъ. Эти люди приходятъ, напримѣръ, въ ужасъ отъ германскихъ „удушливыхъ газовъ“: не то ужасно, что газы эти косятъ людей сотнями (мины, фугасы и пулеметы имъ не уступятъ), а то, что нарушена „этика войны“ (!), что одинъ вооруженъ лучше другого. Одинъ изъ этихъ милонаивныхъ людей спрашивалъ съ огорченіемъ: „есть ли между ними (германцами, поливающими враговъ удушливыми газами) такіе, что прежде, чѣмъ приложить руки къ этому дѣлу, пускаютъ себѣ пулю въ лобъ? И какъ, послѣ такихъ дѣлъ, они съ окончаніемъ войны вернутся въ свои семьи и поднимутъ къ себѣ младенца своими проклятыми руками?“

(М. Гершензонъ, „Турниръ и война“). О, святая простота! Ей все еще кажется, что поливающій враговъ не газами, а изъ пулемета, имѣетъ руки, „чище снѣга альпійскихъ вершинъ„ и что ему впослѣдствіи разрѣшается невозбранно „поднимать къ себѣ младенца“!.. Соціалисты всѣхъ странъ тоже отдали обильную дань этому духовному мѣщанству, расцѣнивающему по прейсъ-куранту право крови, разграфляющему военныя убійства на „этичныя“ и „не этичныя“... Только потому и могли они призывать къ оружію къ борьбѣ во имя націонализма, скрытаго подъ многими звучными словами. Они не поняли, что дѣло это для нихъ чуждое и чуждое, что у нихъ есть *свое* дѣло, что если они и не могутъ пока остановить колесо войны, то тѣмъ менѣе причинъ усердно лить на него воду, что любителей этого занятія найдется и безъ нихъ болѣе чѣмъ достаточно, что государство „fara da se“, что, наконецъ, впереди національнаго вопроса для соціализма стоитъ вопросъ общеправов й.

Такъ „націоналъ-соціалисты“ и „соціалъ-патріоты“ ушли отъ соціализма; они ушли, соціализмъ остался. Les socialistes sont morts, vive le socialisme — можно было бы съ новымъ правомъ повторить старую поговорку. И надо только одного желать: чтобы это возрожденіе, это очищеніе соціализма отъ „попутчиковъ“ (пусть даже знаменитѣйшихъ „вождей“ соціализма) было освобожденіемъ его отъ путъ того мѣщанства, которое вотъ уже полвѣка аккуратно и умѣренно заплетало соціализмъ въ своей сѣти — сѣти догмы, „ортодоксальности“, мертваго застоя. У соціалъ-демократовъ создалась догма „марксизма“, въ которой сводилась къ мертвому трафарету живая ткань творчества Маркса; у народниковъ появились свои ортодоксы, которые такъ и застыли на той точкѣ, до которой дошелъ Михайловскій. Война смахнула всѣ догмы, смѣшала въ одно былыхъ враговъ; не по старымъ гранямъ будетъ заново строиться демократія, а по новымъ, изъ опыта жизни добытымъ результатамъ.

Въ одну сторону, „одесную“, отойдутъ — и уже отошли — всѣ марксисты и народники безразлично, которые покорились духу націонализма; этимъ они опредѣлили дальнѣйшую свою судьбу: „пріидите, благославенные, наслѣдуйте царство, уготованное вамъ отъ созданія міра“... Ибо они подлинно духовные наслѣдники *стараго міра*, какъ бы тамъ они себя ни называли, соціалистами, анархистами, революціонерами или чѣмъ угодно. Въ другую сторону, „ошую“, отойдутъ тѣ, которые сами предназначали себя „въ огонь вѣчный“ — въ огонь вѣчныхъ исканій и новыхъ достиженій. Ибо они, подлинно, духовные предтечи *новаго міра*, достигнуть кото-

раго никому изъ нихъ не удастся. Быть можетъ, еще многія времена пройдутъ прежде, чѣмъ основы стараго міра будутъ расшатаны; худшими врагами искателей будутъ впослѣдствіи соціалисты-мѣщане, побѣдоносные наслѣдники стараго міра. Герценъ геніально предвидѣлъ, что когда-нибудь соціализмъ-побѣдитель неизбѣжно выродится въ мѣщанство, и что тогда „снова вырвется изъ титанической груди меньшинства крикъ отрицанія и снова начнется смертельная борьба"... Герценъ не предвидѣлъ только, что случится это задолго до „побѣды" соціализма, что случится это въ моментъ его постыднаго внутренняго пораженія...

Если „пораженіе" это будетъ длительнымъ, если демократія не сумѣетъ найти во внутреннихъ своихъ силахъ противоядія противъ того дурмана, которому она поддалась, то ничто не можетъ помѣшать кровавому осуществленію фантастическаго колоніальнаго романа XX вѣка, ничто не можетъ помѣшать ряду міровыхъ колоніальныхъ войнъ, первую изъ которыхъ мы переживаемъ. Старый міръ осуществитъ въ здравомъ умѣ и твердой памяти построеніе пяти-шести міровыхъ имперій, владычицъ всего земного шара, прольетъ для этого рѣки и моря крови, принесетъ въ жертву десятки, сотни милліоновъ жизней. Только силы демократіи могутъ остановить эту чудовищную гекатомбу грядущаго, только возрожденный соціализмъ, въ борьбѣ за новый міръ отрекшійся отъ міра стараго, можетъ подкосить въ корнѣ эти кошмары будущаго. Сколько для этого надо силъ? Удастся ли когда нибудь эта побѣда надъ старымъ міромъ? Не наше дѣло ставить эти вопросы. Ихъ рѣшитъ только жизнь. Наше дѣло одно: по мѣрѣ силъ способствовать тому далекому, во что мы вѣримъ, не спрашивая себя о томъ, когда работа наша принесетъ плоды, ибо не дано намъ знать ни дня, ни часа. Можетъ быть, міровая безумная война отодвинула этотъ „часъ" на десятилѣтія, быть можетъ — приблизила его на столѣтія. Ибо уроки войны могутъ быть безмѣрно неожиданными для демократіи; властители думъ большинства во время войны могутъ оказаться въ роли поверженныхъ кумировъ на другой же день послѣ войны.

Но для побѣды, для открытія „новаго міра" не надо возлагать свои упованія на „большинство", не надо бояться временнаго одиночества; не надо думать, что къ новому міру притти можно со старыми понятіями, мыслями, чувствами. Надо отказаться отъ былого оппортунизма, которымъ можно оправдать все, что угодно; почему соціалистъ долженъ быть менѣе честенъ въ своемъ поведеніи, чѣмъ толстовецъ, отказывающійся, напримѣръ, отъ воинской повинности? Когда

соціализмъ забудетъ о „практической политикѣ“, тогда сдѣлается онъ внутренне сильнымъ, независимымъ, чающимъ міра новаго. Для этого нужны ему не милліоны голосовъ на выборахъ, а лишь одинъ голосъ внутренняго сознанія: сознанія своей внутренней свободы отъ путъ стараго міра. Свобода эта подверглась испытанію огнемъ и испытанія не выдержала: расплавилась, растаяла въ огнѣ мягкимъ воскомъ.

Испытаніе огнемъ не страшно будетъ для людей новаго сознанія только тогда, когда они перестанутъ предавать свои „высшія цѣнности“, перестанутъ предавать народъ, когда поймутъ, что мѣщанскую самоцѣнность дѣйствій надо замѣнить самоцѣнностью личности человѣческой. Политику, право, мораль,— все надо переоцѣнить такъ, какъ переоцѣнивали ихъ творцы великихъ этическихъ и соціальныхъ системъ. Переоцѣнка давно сдѣлана — вопросъ въ жизненномъ примѣненіи ея. Пусть старый міръ „торжество свое воздвигъ“, пусть онъ „сходитъ съ ума“, пусть въ его безуміи чувствуется система, — люди новаго сознанія должны итти своимъ путемъ къ новому міру, хотя бы не сорокъ лѣтъ, а сорокъ десятилѣтій суждено было имъ блуждать въ пескахъ пустыни на пути къ землѣ обѣтованной, на пути къ свободному будущему міра, народа, человѣка.

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. В. К. П. (б.)

Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ.

Петроградская Издательская Комиссія.

Галерная, 27.

1. Наша программа (популярн. излож.) . . 15 к.
4. *Гердингъ.* Почему я соціалистъ. . . . 15 „
5. *Левручевичъ.* Чего хотятъ друз. нар. 25 „
9. *Диккштейнъ.* Кто чѣмъ живетъ . . . 15 „
11. *П. Вихляевъ.* Какъ уравнять польз. землей . . . . 20 „
12. *А. Шрейдеръ.* Царь-Голодъ. . . . . . 6 „
15. *Глъбъ.* Разговоръ солдатъ объ отреч. царя . . . . 6 „
17. *Н. Брюллова-Шаскольская.* Народн. Россіи и ихъ треб. . . . . 6 „
20. *Б. Коварскій.* Е. К. Брешковская съ автобіогр. бабушки русской револ. . . 50 „
21. *Ст. Слетовъ.* Къ исторіи возникнов. Партіи С.-Р. . . . . 1 р. — „
23. *А. Шрейдеръ.* О налогахъ . . . . . . 10 „
24. *Б. Коренъ.* Сущность ученія Соц.-Рев. (поп. изд.) . . . . 20 „
27. *И. Бѣлочкинъ.* Земля и воля трудов. народу . . . . 15 „
29. *А. Бахъ.* Царь Голодъ . . . . 40 „
30. *В. Цетликова.* Голосованіе при выбор. 6 „
31. *Дизза.* Сказка о царѣ-недоумкѣ . . . 30 „
32. *Глѣбъ Свировъ.* Миним. зараб. платы. 8 „
33. *Шеффле.* Сущность соціализма . . . . 90 „
34. *Викторъ Черновъ.* Земля и право . 3 р. — „
35. *М. Вишнякъ.* Личность въ правѣ . . 70 „
37. *Д. Розенблюмъ.* Профес. союзы . 1 р. 25 „
38. *В. Лункевичъ.* Что такое учр. собр. . 15 „
39. *В. Лункевичъ.* Каковы должны быть земельн. порядки на Руси . . . . . . 20 „
41. *В. Лункевичъ.* Борцы за право и своб. 50 „
42. *В. Лункевичъ.* Право челов. и гражд. 25 „
43. *Б. Черненковъ.* Основн. зак. о землѣ. 20 „
44. *В. Цетликова.* Почему крестьяне не должны голос. за П. Н. С. . . . . . 12 к.
45. *Н. В. Брюллова-Шаскольская.* Нац. вопр. и П. С.-Р. . . . . 30 „
47. *Б. Камковъ.* Истор.-филос. воззр. П. Л. Лаврова . . . .
48. *В. Черновъ.* Германская соціальдемократія на распутьи . . . . 1 р. 75 „
49. *Д. Раковъ.* Война и финансы . . . . 30 „
51. *Б. Свидерскій.* Трудъ и капиталъ . . 25 к.
52. *М. Гоцъ.* Система правды . . . . . . 80 „
54. *Николаевъ.* Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ . . . . 50 „
55. *В. Трутовскій.* Что крест. дѣлать въ земствѣ . . . . 15 „
56. *В. Лункевичъ.* Какъ должно вестись наше народн. хоз. . . . . 35 „
57. *В. Черновъ.* Марксизмъ и славянство. 1 р. — „
58. *П. Вихляевъ.* Соц. з. и прогр. сел. хоз. 80 „
59. *М. Капица.* Охрана женск. и дѣтск. труда . . . . 10 „
60. *М. Вишнякъ.* Учредит. собраніе и пропорціон. выборы . . . . 25 „
61. *М. Вишнякъ.* Законъ о выборахъ въ Учр. собраніе . . . . 20 „
62. *А. Фейтъ.* Кого выб. въ Учред. собр. 10 „
63. *В. Лункевичъ.* Наши непорядки. . . . 30 „
65. *Святицкій.* Для чего созывается Учредительное собраніе . . . . 25 „
66. *Труппъ.* Республика безъ президента. 15 „
69. *С. А. Ан-скій.* Какъ нар. Россіи должны устроить свою жизнь . . . . 15 „
70. *Ивановъ-Разумникъ.* Испытаніе огнемъ . . . . 75 „
72. *С. Закъ.* Основанія рабочей прогр. . 1 р.
73. *В. Лункевичъ.* Чему учатъ и что дѣлаютъ соціалисты . . . . 40 к.
74. *Г. Новоторжскій.* Значеніе права на землю . . . . 25 „
75. *Ивановъ-Разумникъ.* За что воюютъ Вел. Держ. . . . . 25 „
76. *Казакъ.* Романовы и армія. . . . . . 75 „
77. *Е. Труппъ.* Всенародное голосованіе . 15 „
79. *Ст. Слетовъ.* Сто лѣтъ борьбы . . . 25 „
80. *Н. Ивановъ.* Наши партіи и агр. вопр. 60 „
82. *В. Лункевичъ.* Чего добиваются лучшіе люди Р. . . . . 40 „
83. *Е. Колосовъ.* Н. К. Михайловскій . 1 р. 50 „
84. *И. Брильонъ.* Изъ восп. террориста . 35 „
86. Что такое Партія Нар. Свободы . . . 3 „
92. *В. Бойе и В. Черновъ.* Военная реформа . . . . 75 „

Печатаются:

36. *Тунъ.* Ист. револ. движ. въ Россіи съ прим. Л. Э. Шишко . . . .
50. *И. Николаевъ.* Невидимыя подати . .
53. *В. Черновъ.* Основн. вопр. пролет. движ.
64. *С. Ан-скій.* О евреяхъ. . . . .
67. *С. Закъ.* Промышл. капитализмъ, въ Россіи . . . .
68. *М. Якобій.* Движ. силы сельскаго хоз.
71. *Р. Ивановъ-Разумникъ.* В. Бѣлинскій.
78. *Д. Розенблюмъ.* О безработицѣ . . . .
81. *А. Иванчинъ-Писаревъ.* Хожденіе въ народъ . . . .
85. *Р. Ивановъ-Разумникъ.* А. И. Герценъ.
88. *А. Гизетти.* О народномъ образованіи.
89. *И. Прилежаевъ.* Контроль надъ производствомъ . . . .
90. *Л. Либерманъ.* Въ царствѣ угля . . .
91. *Н. Русановъ.* М. А. Бакунинъ . . . .

Книгопродавцамъ и обществен. организаціямъ обычная уступка. Заказы выполн. только по получ. задатка въ размѣрѣ одной трети ихъ стоимости.

Тип. П. П. Сойкина.